

352730

В. В. МАВРОДИН

НАЧАЛО
МОРЕХОДСТВА
НА РУСИ

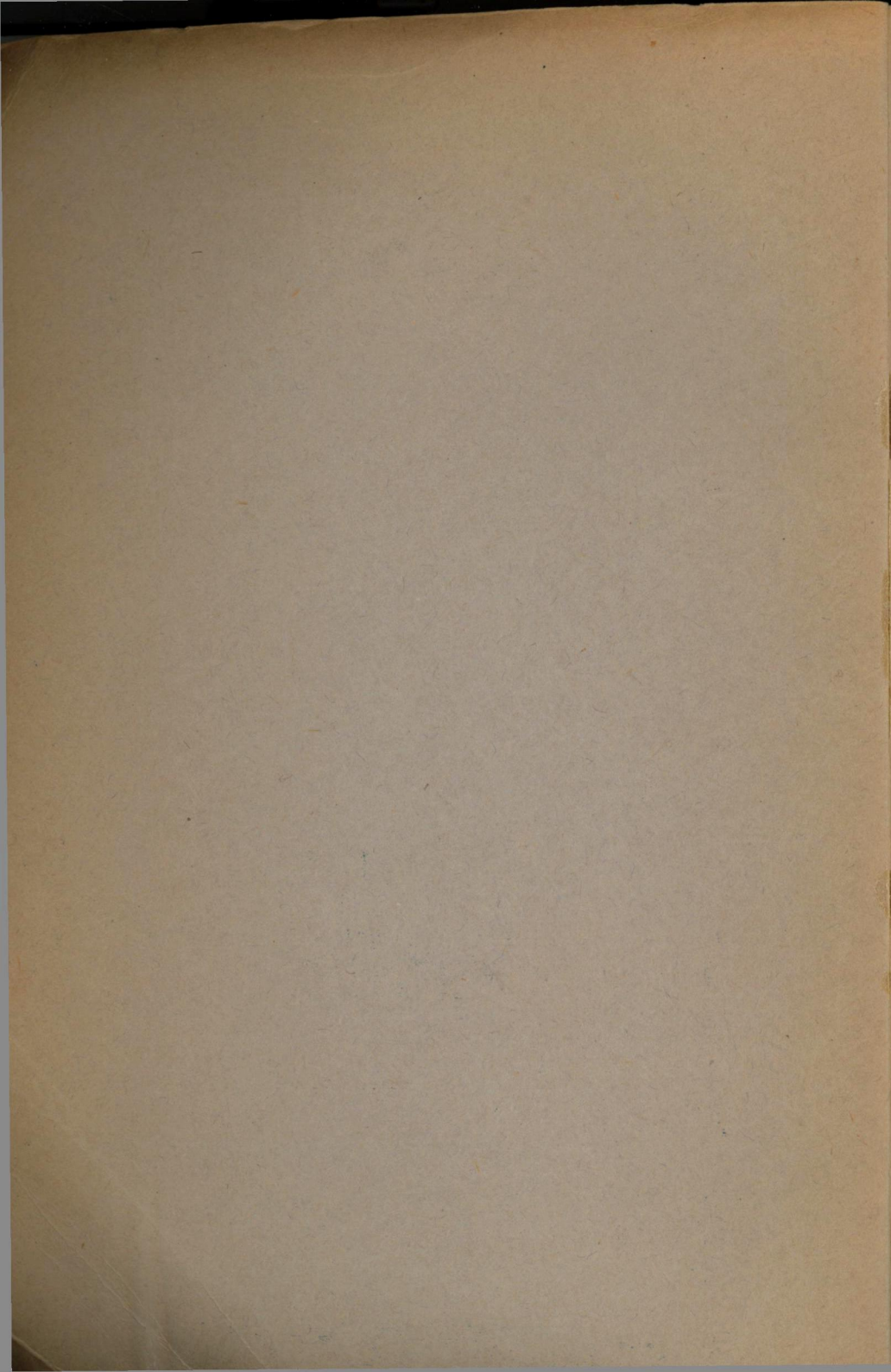
ИЗДАТЕЛЬСТВО
ЛЕНИНГРАДСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО
УНИВЕРСИТЕТА ИМЕНИ А. А. ЖДАНОВА
1949

10 руб.

V.N. Karazin Kharkiv National University

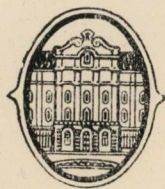
00431700 1

ЛЕНИНГРАДСКИЙ
ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ им. А. А. ЖДАНОВА
ИСТОРИЧЕСКИЙ ИНСТИТУТ

В. В. МАВРОДИН

НАЧАЛО МОРЕХОДСТВА НА РУСИ

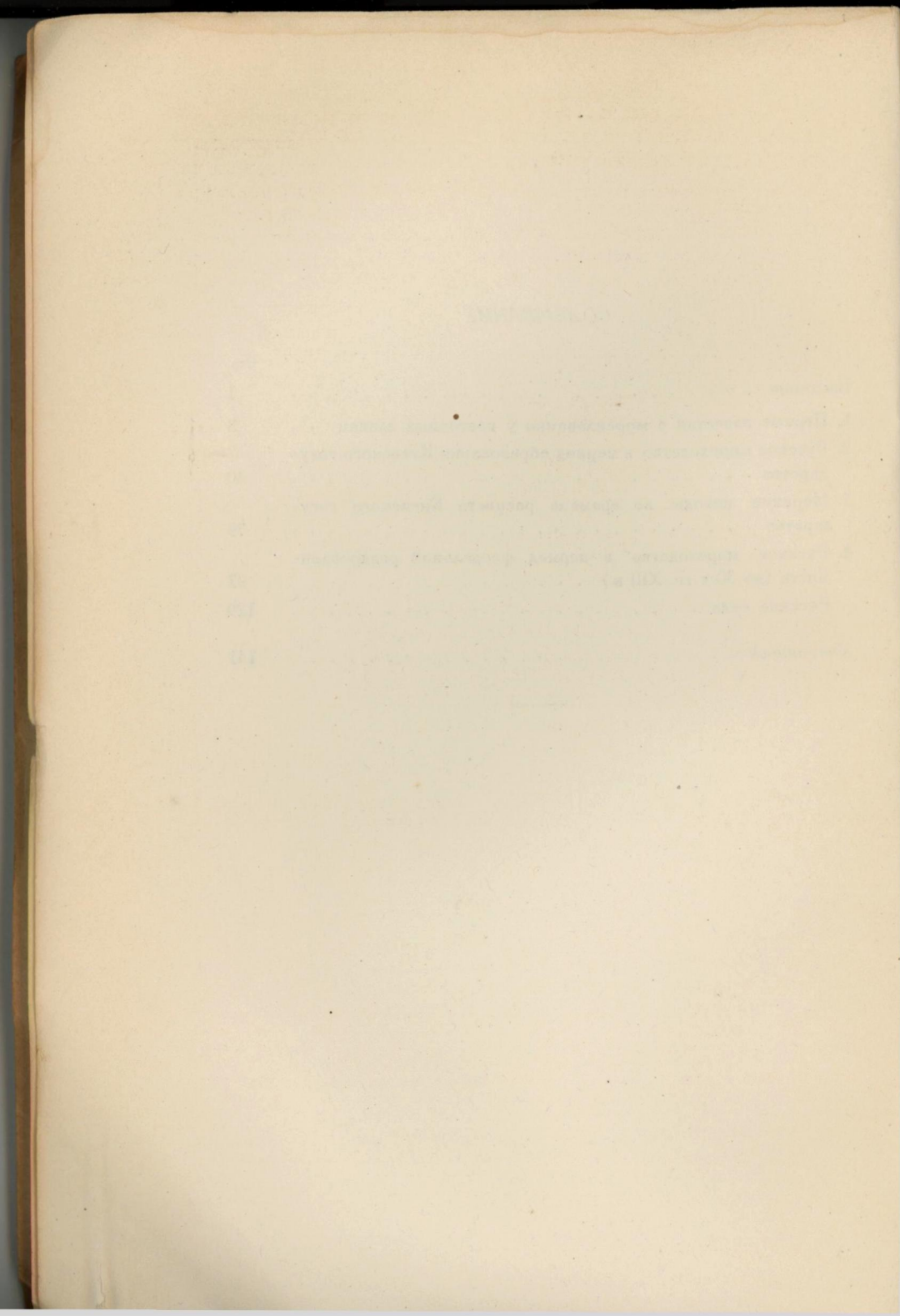
ИЗДАТЕЛЬСТВО
ЛЕНИНГРАДСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО
ОРДЕНА ЛЕНИНА УНИВЕРСИТЕТА
ИМ. А. А. ЖДАНОВА
1949

64

59

СОДЕРЖАНИЕ

	Стр.
Введение	1
1. Первые известия о мореплавании у восточных славян . .	3
2. Русское мореходство в период образования Киевского государства	40
3. Морские походы во времена расцвета Киевского государства	79
4. Русское мореходство в период феодальной раздробленности (до 30-х гг. XIII в.)	92
Русские суда	129
Указатели	141

ВВЕДЕНИЕ

Когда мы обращаемся к трудам по истории русского флота, принадлежащим дворянско-буржуазным историкам, то видим, что они начинают изложение с событий второй половины IX в.

Так например, Ф. Веселаго начинает свою книгу «Краткая история русского флота» с утверждения, что «первый морской поход в Грецию совершен был овладевшими Киевом дружинниками Рюрика, явившимися перед Константинополем в 865 году в числе 200 судов». ¹

А. Висковатов также начинает изложение «морских походов русских» с того момента, как «Аскольд и Дир, вожди особой дружины, не получившие никакого участка в Русской земле, отправились с согласия князя в Константинополь...». ²

В «Материалах по истории русского флота», изданных первый раз в 1914 г. и тогда носивших название «Значение флота в истории России», П. Белавенец пишет: «Первый поход русских под стены Константинополя был совершен Аскольдом и Диром. Русские дружины в 860 г. подошли на 200 судах к Царьграду». ³

Высказавший немало интересных соображений по поводу «морского элемента в древней Руси» и, в частности, восставший против крайнего норманизма указанных выше его предшественников в области изучения морской истории Руси, начинавших эту последнюю с появления норманнов на Руси, Е. Аренс также полагает, что «первый поход за море» — это поход Аскольда и Дира, когда «в 866 году стая русских лодок появилась внезапно под стенами Царьграда». ⁴

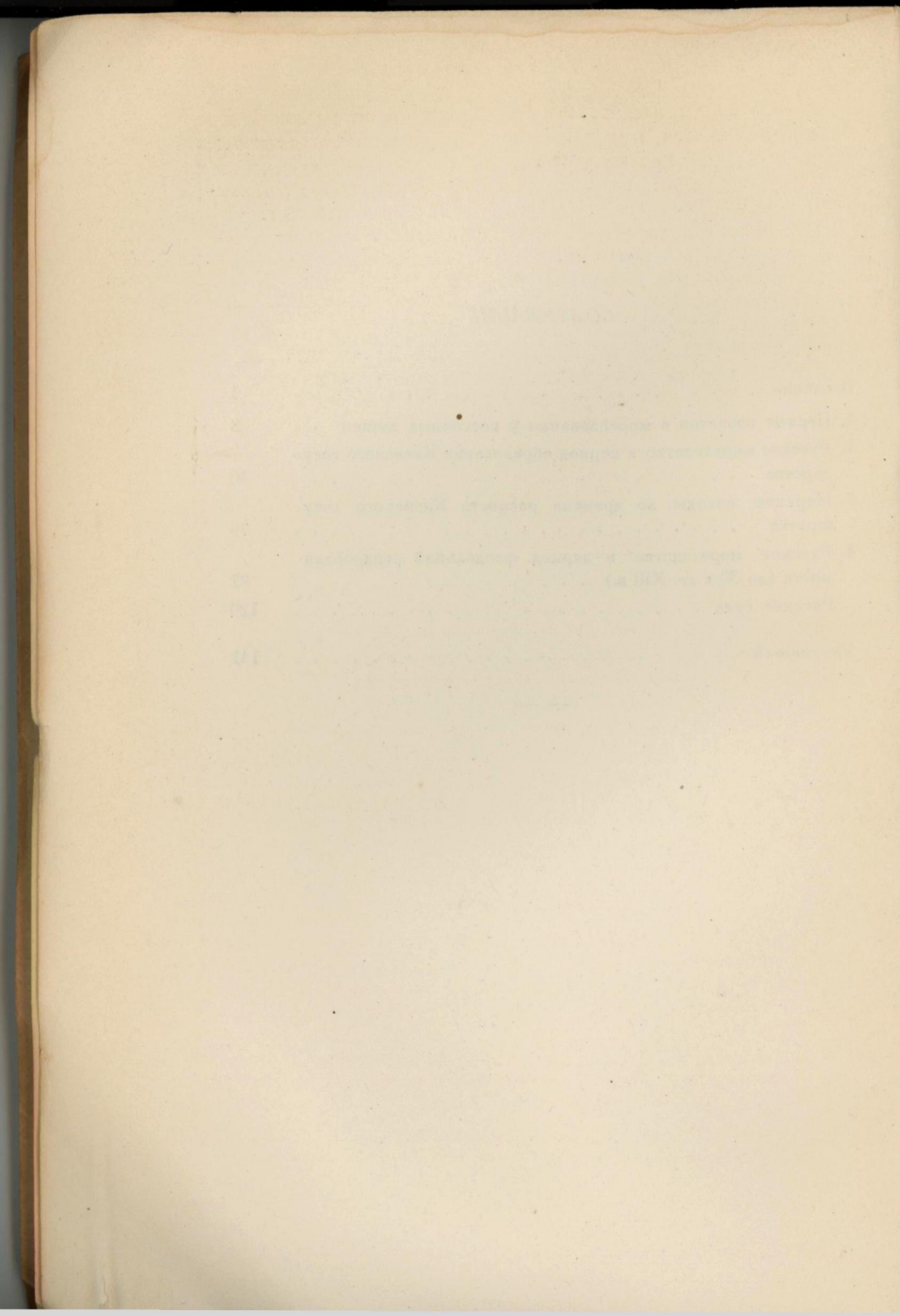
Дурная традиция в русской дворянско-буржуазной исторической науке приводила к тому, что знатоки военно-морской исто-

¹ Ф. Веселаго. Краткая история русского флота, 1939, стр. 7.

² А. Висковатов. Краткий исторический обзор морских походов русских и мореходства их вообще до исхода XVII столетия, изд. 2-е, М., 1946, стр. 17.

³ П. Белавенец. Материалы по истории русского флота, 1940, стр. 5.

⁴ Е. Аренс. Страницы морской истории. «Морской сборник», 1919, № 1, стр. 13.

ВВЕДЕНИЕ

Когда мы обращаемся к трудам по истории русского флота, принадлежащим дворянско-буржуазным историкам, то видим, что они начинают изложение с событий второй половины IX в.

Так например, Ф. Веселаго начинает свою книгу «Краткая история русского флота» с утверждения, что «первый морской поход в Грецию совершен был овладевшими Киевом дружинниками Рюрика, явившимися перед Константинополем в 865 году в числе 200 судов». ¹

А. Висковатов также начинает изложение «морских походов русских» с того момента, как «Аскольд и Дир, вожди особой дружины, не получившие никакого участка в Русской земле, отправились с согласия князя в Константинополь...». ²

В «Материалах по истории русского флота», изданных первый раз в 1914 г. и тогда носивших название «Значение флота в истории России», П. Белавенец пишет: «Первый поход русских под стены Константинополя был совершен Аскольдом и Диром. Русские дружины в 860 г. подошли на 200 судах к Царьграду». ³

Высказавший немало интересных соображений по поводу «морского элемента в древней Руси» и, в частности, восставший против крайнего норманизма указанных выше его предшественников в области изучения морской истории Руси, начинавших эту последнюю с появления норманнов на Руси, Е. Аренс также полагает, что «первый поход за море» — это поход Аскольда и Дира, когда «в 866 году стая русских лодок появилась внезапно под стенами Царьграда». ⁴

Дурная традиция в русской дворянско-буржуазной исторической науке приводила к тому, что знатоки военно-морской исто-

¹ Ф. Веселаго. Краткая история русского флота, 1939, стр. 7.

² А. Висковатов. Краткий исторический обзор морских походов русских и мореходства их вообще до исхода XVII столетия, изд. 2-е, М., 1946, стр. 17.

³ П. Белавенец. Материалы по истории русского флота, 1940, стр. 5.

⁴ Е. Аренс. Страницы морской истории. «Морской сборник», 1919, № 1, стр. 13.

рии начинали ее с пресловутого «...призвания варягов», несмотря на то, что уже были опубликованы источники, изучение которых дало бы возможность отодвинуть «первую страницу русской морской истории» ко временам, предшествующим легендарным событиям 862 г.

Когда писали П. Белавенец и Е. Аренс, во всяком случае, были уже известны труды В. Г. Васильевского, содержащие в себе текст и анализ «Жития Стефана Сурожского» и «Жития Георгия Амастридского».

К сожалению, современная советская историческая наука не исправила этой ошибки историков русского флота старой школы и не дала обобщающих трудов по началу мореходства на Руси. Все это побудило меня попытаться обобщить материал, накопившийся к сегодняшнему дню, и дать сводку сведений по началу мореходства на Руси. Ибо так начинать русскую историю, как это делала старая официальная дворянско-буржуазная историческая наука, означает начинать ее не с начала; так начинать историю мореходства на Руси, как это имеет место в указанных трудах, означает приступить к повествованию где-то с середины книги, так начинать историю русского мореходства означает возродить живую и антинаучную норманскую теорию.

1. ПЕРВЫЕ ИЗВЕСТИЯ О МОРЕПЛАВАНИИ У ВОСТОЧНЫХ СЛАВЯН

Еще на начальных этапах своего этнического формирования восточное славянство освоило водную стихию. Уменье переправляться через реки и озера восходит, конечно, к седой древности, к тому периоду времени, когда еще не существовало ни славянских языков, ни самих славян, и по рекам и озерам Восточной Европы плавали лишь предшественники восточных славян времен мезолита и неолита. Но этот древнейший период славянства лежит за пределами нашей темы.

В настоящей работе мы будем говорить лишь об историческом славянстве, точнее, о восточном славянстве. Нет никакого сомнения в том, что славяне письменных источников являются народами морскими. Не случайно в источниках, впервые упоминающих о славянах, во всяком случае о той их части, которая получила название венедов, эти последние оказываются жителями берегов Вислы и побережья Балтийского моря.

В «Естественной истории» Плиния Старшего, жившего в I в. н. э., мы читаем: «Некоторые писатели передают, что эти местности, вплоть до реки Вистулы (Вислы), заселены сарматами, венедами, скифами, гиррами».

В «Германии» Тацита также говорится о венетах, или венедах: «Здесь конец страны свевов. Относительно племен певкинов, венетов и финнов я не знаю, причислять ли мне их к германцам или сарматам... Более похожи венеты на сарматов по своим нравам и обычаям».

Еще одно упоминание о венедах мы имеем в «Географии» Птолемея: «Сарматию занимают очень большие племена: венеды вдоль всего Венедского залива; на Дакии господствуют певкины и бастарны; по всей территории, прилегающей к Меотийскому озеру, — языги и роксаланы; в глубь страны от них находятся амаксобии и аланы — скифы».¹

И это — не первые упоминания о венедах. О венедах знали в классической Греции. Так, например, Геродот сообщает о том,

¹ «Вестник древней истории», 1941, № 1, стр. 230, 231.

что янтарь привозят с реки Эридана от енетов (венетов), Софокл (V в. до н. э.) знал, что янтарь доставляют с севера, с берегов северного океана, добывая его в какой-то реке у индов. В енетах (венетах) и индах V в. до н. э. нетрудно усмотреть виндов, или венецов.

Сравнивая и сличая скудные свидетельства древних авторов, мы можем сделать вывод, что венецы обитали к северу от Карпат до Балтийского моря («Венедского залива»).

Не случайно здесь, по Висле и у берегов Балтики, сохранилась до наших дней древнейшая славянская топонимика, не случайно еще у писателей древности упоминается Коданский залив, где ныне стоит польский город Гданск (древний Къданск). Не случайно потомки венецов — балтийские славяне, племена поморских славян, в средние века были известны как искусные мореходы.

Венецы древности, несомненно, приняли участие в формировании не только западных, но и восточных славян. Связи между западнославянским поморским миром и западной частью восточного славянства (особенно, новгородцами) давно уже обращали на себя внимание и вновь были подтверждены изысканиями последнего времени.¹

Конечно, далеко не все славянские племена того периода, когда из пестрой массы палеоевропейских языков выделялись и складывались древние славянские языки, — а именно этот период времени следует считать началом этнического оформления славянства, — были обитателями морских побережий и устьев больших европейских рек, впадающих в моря.

Вряд ли мы ошибемся, если скажем, что, наоборот, большинство древних племен на основе культурной и территориальной близости, в процессе укрепления связей и формирования родственных языков складывались в славянство в местностях, сравнительно отдаленных от морских побережий. Исключение представляла только Балтика. Анализ терминов, относящихся к обозначению понятия «море» в различных индоевропейских языках, свидетельствует о том, что слово «море» в глубокой древности означало: «большое пространство стоячей воды», «озеро», «болото». Поэтому оно отсутствует в индоиранских языках, в языках германских, где термин «зее» (See), собственно «море», сохранился (как, впрочем, и целый ряд других слов в германских языках) как реликт речи древнейшего, доиндоевропейского населения Европы.

¹ И. Е. Забелин. История русской жизни с древнейших времен. М., 1908. — С. Геденов. Варяги и Русь. СПб, 1876, т. I, стр. 380—384. — Н. М. Петровский. О новгородских словенах. ИОРЯС, т. XXV, 1920. — Н. К. Никольский. Повесть временных лет как источник для истории начального периода русской письменности и культуры, вып. 1, 1930.

В литовском языке, одном из балтийских языков, как известно, наиболее родственным славянским из всех индоевропейских языков, слово «море» означает устье реки, а собственно «море» носит название «юрья». Из этого следует, что процесс формирования индоевропейских языков (так сказать было бы правильнее, чем употребить обычное выражение «формирования индоевропейских народов») шел на начальной стадии где-то в основном в глубине континента, а не на берегах морей. Этому периоду в истории формирования индоевропейских языков соответствует термин «море» в своем древнейшем значении озера, болота. Мы можем датировать этот начальный период формирования палеоиндоевропейских языков III — началом II тысячелетия до н. э., когда, на основе развития скотоводства, на громадном пространстве от верховьев Дуная и Эльбы до Восточного Туркестана, к северу от Балкан, Черного и Каспийского морей, и к югу от Восточной Балтики, в бассейне Оки и Средней Волги, и далее на восток, включая Южный Казахстан и всю Среднюю Азию, на юг до Гиндукуша и Копет-дага формируются культуры «степной бронзы», стадияльно-хронологически и территориально связанные с образованием палеоиндоевропейских языков. Археологически — это время энеолита, первых металлических изделий, начало широкого распространения скотоводства.¹

С течением времени большинство индоевропейских, и в том числе славянских племен, по рекам дошли до всех морей Европы и освоили их берега, а часть племен по суше вышла к побережью. В этот период слово «море» стало обозначать во всех почти без исключения индоевропейских языках «большое пространство (скопление) горько-соленых вод». Произошла одновременно и индоевропеизация древнейшего доиндоевропейского населения морских побережий. Происходило это тоже в очень отдаленные времена. О том, что уже в эпоху формирования славянских и балтийских языков, столь родственных территориально близким к ним славянским языкам, соседи славян — балтийцы уже жили на берегах Балтийского моря, говорит ряд данных. Литовцы до сих пор называют морем («юрья») маленькую речонку, некогда представлявшую собою устье Немана, и Крантаз (крутой, обрывистый берег) выступ в Курском заливе от Клайпеды на юг, который, по мнению гео-

¹ С. П. Толстов. Проблема происхождения индоевропейцев и современная этнография и этнографическая лингвистика. Краткие сообщения Института этнографии АН СССР, вып. 1, 1946, стр. 12. — Е. Ю. Кричевский. Мезолит и неолит Европы. Краткие сообщения о докладах и полевых исследованиях ИИМК АН СССР, 1940, вып. 4. — М. И. Артамонов. Археологические теории происхождения индоевропейцев в свете учения Н. Я. Марра. Вестник Ленинградского университета, 1947, № 2.

логов, 5000—6000 лет тому назад представлял собой действительно берег моря.¹ Анализ наименований рыб, водящихся в реках, впадающих в Балтийское море, в частности, «общность названий лосося, угря и миноги у ряда индоевропейских и финских языков указывает, что народы, говорившие на этих языках, с древнейших времен соприкасались между собой на берегах Балтийского моря».² Слово «море» в обозначении «большого пространства горько-соленых вод», характерное для большинства индоевропейских языков, свидетельствует о том, что распространение индоевропейских языков вширь и ассимиляция ими смежных и родственных языков юга, запада и севера в этот период времени протекали в обстановке широкого использования племенами с индоевропейской речью природных богатств моря и морских побережий.

В болотах и лесах междуречья Рейна и Эльбы, в Ютландии, южной Скандинавии, на островах Балтийского моря долгое время сохранялись остатки лапоноидных племен с древнейшей речью, характерной для палеоевропейцев эпохи, переходной от палеолита к неолиту (языки северо-восточного типа, по классификации С. П. Толстова), племен, еще в древности смешавшихся с пришельцами с берегов Атлантики, с племенами североиберийской культуры. Это арханческое автохтонное население только во второй половине I тысячелетия до н. э. подверглось индоевропеизации со стороны этнических элементов, распространявшихся с запада и юга (кельты), юга и востока (иллиро-фракийцы). Результатом поверхностной индоевропеизации и было образование германских языков.³ Следом доиндоевропейской речи предшественников германцев является неиндоевропейское слово *See* в обозначении моря.

В эпоху начального формирования индоевропейских языков, а тем более в период формирования языков древних славян, море было привычной стихией, и заселявшие берега морей индоевропейские племена, в том числе и те, которые в дальнейшем дали и славян и их ближайших сородичей и соседей — балтийцев, широко пользовались водными пространствами и для передвижения, и для поддержания жизни. Такие слова, как «море», «прилив», «отлив», «пучина», «лука», «залив», «пристань» и т. п., встречаются во всех славянских языках.⁴ Общие слова, относящиеся к морю, являются следом не только культурных

¹ А. Л. Погодин. Из истории славянских передвижений, СПб., 1901, стр. 7, 8.

² Л. С. Берг. Названия рыб и этнические взаимоотношения славян. «Советская этнография», 1948, № 2, стр. 71.

³ С. П. Толстов, ук. соч., стр. 12, 13.

⁴ А. Будилович. Первобытные славяне в их языке, быте и понятиях по данным лексикальным. Киев, 1878, ч. 1, стр. 25, 26, 281, 282.

связей славянизирующихся племен древней Европы, но дают представление о самой культуре славян времен формирования древнейших славянских языков, о степени приобщенности их к мореходству и к жизни в прибрежной поморской полосе.¹

Для нас не будет странным это поступательное движение славян к морям, если мы учтем, что древнейшие очаги этногенеза славян расположены в верховьях Эльбы (Лабы), Вислы, Днепра, Западной Двины, Оки, Волги, Днестра, Южного Буга. Всякие многочисленные и сильные племена, владеющие истоками рек, расселяются вниз по течению и стремятся к овладению их устьями и прилегающими к ним берегами моря. А славяне были именно такими могущественными и многочисленными племенами.

Необходимо подчеркнуть значение рек — дорог в истории славянства. Не случайно у южных славян «драга» (дорога) и по сей день означает путь вдоль воды, водоем, а у чехов канаву, ров, наполненный водой.²

Из всего сказанного вытекает, что река и море, вернее, сначала река, а затем и море, были освоены славянами в очень отдаленные времена. Конечно, между плаванием предков славян по рекам и озерам и плаванием по морям лежит промежуток во много тысяч лет. Люди научились форсировать водные преграды в виде рек и небольших озер еще в очень отдаленные времена, и это искусство было известно еще предшественникам славян, в то время как морские плавания, точнее, плавания вдоль берегов, стали столь обычными уже у собственно славян. Пересекать открытое море научились, конечно, еще позднее, уже на памяти авторов первых письменных источников, во времена антов.

Я отнюдь не собираюсь касаться всей проблемы антов в целом и полагаю, что сделанное в этом направлении дает мне право заняться только одной из особенностей социальной жизни и политической истории антов, как именуют восточных славян источники VI—VII вв., сохраняя наименование «славяне» за южными и западными славянами.³

Это был тот период в истории восточных славян, да и в истории славян вообще, когда они в процессе освоения новых земель и расширения заселенной ими территории, столкнулись с могущественной Византийской империей, стремившейся, в свою очередь, подчинить своему влиянию многочисленные и свободолюбивые племена славян.

¹ М. И. Артамонов, ук. соч., стр. 105.

² Н. П. Загоскин. Русские водные пути и судовое дело в до-Петровской России. Казань, 1910, стр. 34.

³ Б. А. Рыбаков. Анты и Киевская Русь. «Вестник древней истории», 1939, № 1. — Б. Д. Греков. Киевская Русь. М. — Л., 1944; — Борьба Руси за создание своего государства, 1943. — П. Н. Третьяков. Анты и Русь. «Советская этнография», 1947, № 4. — В. В. Мавродин. Образование древнерусского государства. Л., 1946.

вые племена славян и антов, превратить их в своих подданных, в рабов. В борьбе с Восточной Римской империей анты объединялись в племенные союзы. Эта борьба делала их воинственными и опасными врагами «ромеев» и вполне естественно в византийских источниках VI—VII в.в. анты выступают именно с этими качествами. Кроме того, следует подчеркнуть, что авторы византийских источников, говорящих об антах, интересовали именно эти качества соседей Империи.

Анты вышли на сцену мировой истории из своих дремучих лесов и степей как воинственный, храбрый и свободолюбивый народ.

«Они многочисленны, выносливы, легко переносят жар, холод, дождь, наготу, недостаток в пище». «Их никоим образом нельзя склонить к рабству или подчинению в своей стране», — говорит об антах Маврикий.

Вооруженные небольшими копьями, луками и стрелами, иногда с ядовитыми наконечниками, мечами и прочными, тяжелыми щитами, анты были опасными врагами. В густых лесах, обрывах, ущельях поджидали они своих противников и внезапно с криком нападали на них из засады. Днем и ночью, используя знание местности, прибегая к различного рода хитростям, анты нападали на врагов, изобретая всевозможные способы боя. Анты умело переправлялись через реки, «превосходя в этом отношении всех людей» (Маврикий).

Застигнутые врасплох, анты укрывались в камышах и, опустившись у берега на дно реки или озера, дышали через выдолбленные камышины, часами выдерживая пребывание в воде и укрываясь от глаз врага.

Когда враг внезапно нападал на антов в походе, они устраивали укрепление из телег, как это делали русские во времена походов в глубь степей на половцев. Такой круг, составленный из сдвинутых телег, напоминавший казацкий табор, был неприступен для неприятеля. Меткие стрелы и метательные копья антов держали врага на почтительном расстоянии от боевого стана антов.

В походах и войнах славяне и анты учились военному искусству, и настало время, когда изумившие своей доблестью Прокопия анты «научились вести войну лучше, чем римляне» (Иоанн Эфесский).¹ Немудрено, что «они стали богаты, имеют золото и серебро, табуны коней и много оружия».²

Византийцы высоко оценивали военное искусство антов, умевших воевать в самых трудных условиях, в горах, ущельях,

¹ Прокопий, Готская война. — Иоанн Эфесский. Церковная история. «Вестник древней истории», 1941, № 1, стр. 238, 252.

² Иоанн Эфесский, ук. соч., стр. 252.

лесах и болотах, стойких, мужественных, искусно использовавших местность, предприимчивых и смелых в бою, «доблестных» и «энергичных» (Прокопий). Маврикий посвятил искусству войны со славянами и антами целый ряд разделов своего «Стратегикона», а это свидетельствует о том, что Византия считала их опасными врагами.

Иордан называет антов «храбрейшими из них» (славян). Высоко расценивал боевые качества своих противников император Юстиниан. Фредегар говорит о том, что авары всегда ставили в первых рядах славянских воинов, как самых сильных и храбрых.

Походы антов, приводившие к обогащению антских дружин и их вождей, способствовали укреплению «развивающейся из родового строя военной демократии», «военной потому, что война и организация для войны становятся теперь регулярными функциями народной жизни» (Фр. Энгельс), «демократии» потому, что перед нами вооруженный народ, управляющийся народным собранием, советом старейшин и вождей и высшим военачальником, еще не знающий не только власти, противопоставляющей себя народу, но даже отделенной от него.

С течением времени успешные «... войны усиливают власть верховного военачальника, равно как и подчиненных начальников; соответствующее обычаю избрание их преемников из одних и тех же семейств мало-помалу, в особенности со времени установления отцовского права, переходит в наследственную власть, которую сперва терпят, затем требуют и, наконец, узурпируют...». ¹ Так зарождаются первые примитивные формы государственной власти, обусловленные имущественным неравенством и развитием рабства.

Война и народоправство («демократия») — эти две особенности общественной жизни антов отмечают и писатели древности.

Дружины антов не были отрядами профессионалов-воинов, как это имело место позднее, в Киевской Руси. Вооружены были все мужчины, и почти все вооруженные мужчины принимали участие в обороне своей земли и даже в далеких походах на Византию.

Маврикий, рассказывая о военных хитростях антов, говорит, что, при внезапном нападении на них, «некоторые из числа остающихся дома», спасаются, прибегая к погружению на дно реки у прибрежных камышей, так как поселения антов «расположены вдоль рек...». ² Уходят в поход не все, но все же дружины

¹ Фр. Энгельс. «Происхождение семьи, частной собственности и государства», К. Маркс и Ф. Энгельс, избранные произведения т. II, М. 1948, стр. 296—297.

² Маврикий. Стратегикон. «Вестник древней истории», 1941, № 1, стр. 256.

антов — это вооруженный народ.¹ В комплектовании дружин сохраняется архаический обычай по возрастному принципу. Тот же Маврикий, хорошо знавший славян и антов, говорит об особенно опасных для «ромеев» внезапных нападениях из засад «легковооруженной молодежи».² Пережитки этого явления бытуют еще в Киевской Руси в виде «старшей» и «молодшей дружины».

Все эти качества антов и привели к тому, что они вошли в историю как храбрый, воинственный и свободолюбивый народ. И не случайно, хорошо знавший антов, Прокопий говорит, что, несмотря на их «грубый, без удобств» образ жизни, они «по существу неплохие люди и совсем не злобные».³

Их социальный строй — «военная демократия», «славное варварство» (К. Маркс), их нравы и обычаи: мужество, верность, гостеприимство, свободолюбие заставляли даже врагов отмечать положительные качества антов.

Вот то немного из жизни антов, что я хотел бы напомнить читателю, переходя к вопросу о начале мореходства у восточных славян.

Подобно тому, как политическую историю восточных славян мы начинаем со времен антов, с IV в. н. э., так и выход восточного славянства на безбрежные просторы морей следует связывать не с событиями IX в., а с явлениями общественной и политической жизни восточной ветви славян гораздо более раннего времени, во всяком случае антской поры.

К сожалению, по отношению к этому периоду времени мы не располагаем ни таким бесценным источником, как наши летописи, ни таким обильным фондом письменных источников византийского, восточного и западноевропейского происхождения, каковой дает нам возможность реконструировать историю Киевской Руси.

Прямых указаний на морские походы антов, хотя бы в какой-либо мере напоминающих походы на Византию Олега, Игоря и Ярослава, в источниках мы не обнаруживаем, да и вообще нет прямых и точных указаний на морские походы антов.

Но когда нет прямых указаний, на сцену выступают косвенные, подчас не менее ценные, нежели первые. Я и ставлю своей задачей их разыскать, подобрать и попытаться сделать определенные выводы.

Нам хорошо известны плаванья по морям и морские походы славян.⁴ Нам известны плаванья славян по Адриатиче-

¹ Маврикий, ук. соч., стр. 256.

² Там же.

³ Прокопий, ук. соч., стр. 237.

⁴ Имеются в виду южные и западные славяне.

скому морю, славянскому Ядру, на берегах которого возникла «славянская Венеция» — Дубровник. Мы хорошо знаем плавание славян по южным морям и островам Греческого архипелага, когда в начале VII в. они на своих лодках-однодеревках (моноксилах) начали бороздить воды Черного, Мраморного, Эгейского, Средиземного и Адриатического морей, и силу их ударов poznали Эпир и Ахайя, Малая Азия и Апулия, Крит и Солунь, Киклады и Иллирия.¹

Довольно много сведений о действиях славян в восточной части Средиземного моря, у берегов Греции и Малой Азии мы находим в «Житии святого Дмитрия Солунского». ² Не приходится уже говорить о западных славянах, заселявших все побережье Балтийского моря от Старгарда в земле вагров, у самых границ Дании, и до древнего Коданского залива, где был основан польский Гданск.

Поморские славяне были такими же хозяевами Балтийского моря, как и «дони» (датчане) и «свеи» (шведы). Смелые мореходы, они пробрались даже к берегам Англии, где были основаны славянские поселения.

Но вернемся к южным морям, омывающим земли Византийской империи. Активность славян на море была обусловлена тем, что это был период наступления славянства на одряхлевшую Византийскую империю.

Указывая на то, что в VI в. поступательное движение германцев приостановилось, Фр. Энгельс отмечает, что «... речь идет о германцах, но не о славянах, которые и после них еще долгое время находились в движении. Это были подлинные переселения народов. Целые народности или, по крайней мере, значительные их части отправлялись в дорогу с женами и детьми со всем своим имуществом».³

Несколькими потоками славяне вступили в пределы империи «ромеев». Один из этих потоков, самый восточный, направлялся вдоль берегов Черного моря к низовьям Дуная и за Дунай.

Это были анты — юго-западная ветвь восточных славян, достигшая в IV—VII вв. очень высокой стадии развития общественного строя и политической жизни, очень высокого уровня материальной и духовной культуры. И мне кажется достойным внимания впервые высказанное Б. А. Рыбаковым предположение, что среди упоминаемых источниками морских

¹ В. И. Ламанский. О славянах в Малой Азии, в Африке и в Испании, СПб., 1859, стр. 16, 17 и др.

² Чтения в Московском обществе истории и древностей российских, 1848, вып. 6, стр. 19.

³ К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. XVI, ч. 1, стр. 344.

походов славян мы можем усматривать походы и антов.¹ Конечно, участие антов в походах на Киклады и Иллирию, Малую Азию и Крит, Апулию и Солунь надо еще доказать, а не утверждать его как аксиому, как бы это ни было соблазнительно. Но мы располагаем достоверными источниками, дающими нам право не предполагать, а утверждать участие восточно-славянских племен в морских походах славян VII в. В рукописях церковного музея грузинского духовенства в Тбилиси хранились рукописи, посвященные осаде Константинополя в 626 г. (№№ 5, 140, 162, 272, 347, 471, 500, 518 и 674).

Издатель рукописей М. Г. Джанашвили снабдил их следующим заголовком, взятым из текста: «Осада Константинополя скифами, кои суть русские»... и избрал пространную редакцию сказания (№ 500 и 471). Автором рукописи считается Георгий Мтацминдели, грузинский монах из княжеской семьи. Время написания рукописи — 1042 г. Рукопись представляет собой, повидимому, перевод с греческого языка.

В ней повествуется о том, как «... на восьмой год царствования Фоки вступил на престол Ираклий, по выбору всех князей и народа. Страна была многократно сокрушена персами и скифами, кои суть русские...»² Хаган — скиф наполнил свои лодки-монохилы воинами, сам тоже взял множество воинов и, вооружившись, атаковал город со стороны суши, желая разрушить укрепления города стенобитными машинами, поставленными против городских стен. Сообщение с морем он считал обеспеченным, так как на лодках имел множество ратников...». Автор рукописи сообщает, что «все море вокруг города наполнилось вражескими лодками, каждая из которых выдолблена была из одного цельного длинного дерева и которая на их варварском языке называлась «монохвило» (ошибочно, след. читать «на греческом языке». — В. М.).

Далее в рукописи говорится о том, что русские, неоднократно предпринимавшие штурм городских укреплений, после битвы предавали трупы своих павших воинов огню, как требовал того их обычай (этим самым они предавали их «вечно огню»).

Это указание имеет громадную ценность, так как, это мы увидим дальше, позволяет точно определить этническую принадлежность «скифов», осаждавших Константинополь, даже независимо от его прямого указания на то, что они «русские».

¹ Б. А. Рыбаков. ук. соч., стр. 335.

² ესე ოღებ იყო დაძაბულ და შოკებულ ყოველივე ძალი სმეუფოა სამეგრელოსა. ეოვლით აქრძო: შემესწვილ მრაველ გზის სპარსთ მიერ და სვითა ესე იგი არს რუსთა.

³ М. Г. Джанашвили. К материалам по истории и древностям Грузии и России. Тифлис, 1912, стр. 117, 124. — Сб. материалов для описания местностей и племен Кавказа, вып. 27. 1900, стр. I—V, 1—43.

Нам известен ряд греческих источников (Анастасий, Зонара, Кедрин, Феофан, Никифор, Пасхальная хроника), повествующих об осаде Константинополя в 626 г. славянами и аварами.

Можно было бы предположить, что славян греческой рукописи грузинский переписчик заменил хорошо известными ему славянами — русскими, что место славян у Георгия Мтацминдели заняли их родичи — русские, именуемые греками по старой традиции тавроскифами, а то и скифами (напр. Лев Диакон) и что по аналогии с нападениями русских на Царьград в IX—X вв. грузинский монах в своей хронике тоже считает русских участниками осады Константинополя в 626 г. Действительно, через год после окончания рукописи Георгия Мтацминдели, в 1043 г. русские воины Владимира Ярославича снова появились у стен столицы Византии.

Но рассказ грузинской рукописи не анахронизм. Даже если предположить, что в одной части грузинской рукописи термин «русские» появился по аналогии с событиями IX—X вв., то и в этом случае рукопись Георгия Мтацминдели дает нам драгоценное указание на реальное участие восточных славян в осаде Константинополя в 626 г.

Нет никакого сомнения в том, что погребальный обычай варваров-скифов, сжигавших своих покойников, летописцем-грузином не был придуман, а был взят из греческого оригинала.

Указание на сжигание трупов «скифами» свидетельствует о том, что в осаде Константинополя в 626 г. принимали участие восточные славяне, даже точнее, восточные славяне из северной лесной полосы Восточной Европы, так как среди них безраздельно господствовал обряд трупосожжения, тогда как южные их соплеменники — тоже славяне, почти исключительно предавали своих покойников земле.¹

К берегам Черного моря анты вышли очень давно. Потомки и преемники населения древнего Причерноморья славяне полностью восприняли стремление на юг, к морю и за море, от своих предков времен великого переселения народов и еще более далеких, когда они скрывались под широко известным названием скифов и уже были связаны с античным миром.

К их услугам были те же водные артерии — Днепр, Буг и Днестр, которые позже открыли путь в море русским людям далекого будущего, в то море, которое бороздили однопалубники Олега и Игоря в X в. подобно тому, как это делали их предки мореходы-анты, в то море, которое арабы называли «Русским».

Трудно переоценить значение рек в истории русского народа. «Река — великий фактор в истории». ² «Реки — божьи

¹ П. Н. Третьяков. Восточнославянские племена. М.—Л., 1948, стр. 104.

² Е. Аренс, ук. соч., стр. 4.

дороги» — говорили люди средневековья, подчеркивая, что эти мощные водные артерии не разъединяют, а объединяют людей. На берегах рек возникали и расцветали древние славянские города, реки издавна были бойкими «путями-дорогами» для русского человека, реки объединяли «словенск язык на Руси». Так было и в стародавние времена, во времена антов.

«Неудивительно после этого, что русский человек особенно любовно относился к реке, как к своей кормилице и наставнице. Она не только снабжала его большую часть года рыбой, но в половодье оплодотворяла его поля, медлительного землероба или угрюмого лесовика она быстро превращала в ловкого и предприимчивого водоходца. Ко всему этому необходимо прибавить, что наши реки, имеющие, сравнительно с западноевропейскими, весьма малое падение и значительно более спокойные паводки, как бы созданы для направления населения обширной равнины к морю. Племена, сидящие на верховьях рек, обыкновенно, силою обстоятельств, вынуждаются к овладению и их устьями. Таким путем нередко возникает и мореходство. На первых порах люди, очутившись на берегу моря, приходят в ужас от созерцания грозной и таинственной стихии; затем понемногу осваиваются с нею, и вот речное судоходство переносится сначала на взморье, а после и в открытое море».¹ К этим взглядам Е. Аренса трудно не присоединиться.

Карл Маркс в своей работе, посвященной истории секретной дипломатии в XVIII веке, говоря о войнах Петра I за овладение устьями русских рек Дона, Днепра, Буга, Западной Двины и за побережья морей, подчеркивает, что эта борьба была естественной, определялась самой конфигурацией России, и в процессе этих войн, порвав с традиционной политикой московских государей, стремившихся к завоеванию суши, Петр I в соответствии со способностями и тенденциями «великой русской расы» «завладел всем тем, что было абсолютно необходимо для естественного развития его страны».²

Реки, игравшие столь большую роль в Киевской Руси, в Московском государстве и в Российской империи как средство сообщения, как путь к морю, во времена антов имели не меньшее значение. И обитая от Среднего Днепра и «оли до моря», как много времени спустя их потомки — уличи и тиверцы, все время идя, волна за волной, на штурм твердынь Византийской империи и прорываясь через укрепления, возведенные вдоль «голубого Дуная», не теряя из виду вод Черного моря, анты не могли не прибегнуть к морским плаваниям,

¹ Е. Аренс, ук. соч., стр. 5, 6.

² К. Маркс, «Secret diplomatic history of the eighteenth century». 1899, гл. VI, стр. 88.

как к средству передвижения и нападения. Моря в период средневековья были такими же «божьими дорогами», как и реки.

И что это действительно было так, можно судить по тому, что Византия, располагавшая достаточным количеством умелых полководцев и искусных флотоводцев, ценя в антах их воинскую доблесть, их знание военного дела и навыки, приглашала антов к себе на службу и поручала им высокие должности не только в сухопутном войске, но и во флоте.

Наряду с антами Анангастом, командовавшим фракийскими войсками Византии в 469 г., Хвалибудом, начальствовавшим над всеми византийскими гарнизонами по Дунаю в 30-х годах VI в., Всегордом, занимавшим высокий пост в войске «ромеев», мы встречаем анта Доброгаста в качестве командующего византийской Черноморской эскадрой.

Такой пост мог быть предложен только знающему и опытному моряку, а это предполагает какие-то мореходные традиции у антов.

Нам известен, например, поход антской дружины в 300 человек в качестве союзников Византии и в составе византийского войска в Италию, в Луканию.

В этой войне анты сражались в гористых и трудных местах, но путь в Луканию они проделали по морю и, быть может, не на византийских кораблях, а на своих судах. Это первый известный нам из источников поход восточнославянских воинов «за море».¹

Для восточных славян, точнее, для юго-западной ветви восточных славян — антов Днепр стал дорогой в море еще в очень давние времена.

Нельзя обойти молчанием одну особенность, которая обращает на себя внимание при рассмотрении славянских названий Днепровских порогов у Константина Багрянородного. Все эти славянские наименования: «Островунипраг», «Вульнипраг», «Ессупи», «Веручи», «Напрези», «Неясыть» вряд ли являются словами, характерными для восточнославянских языков IX—X вв., т. е. для речи русских людей — современников Константина Багрянородного. В них нет ни древневосточнославянского полногласия (вместо слова «порог», свойственного восточнославянским языкам, мы имеем слово «праг», характерное для южных славян, в частности — болгар), ни смыслового соответствия («неясыть» у восточных славян не пеликан, а род совы).²

¹ Прокопий Кесарийский. Готская война. «Вестник древней истории», 1941, № 1, стр. 238.

² Известия византийских писателей о Северном Причерноморье. Изв. ГАИМК, вып. 91, 1934, стр. 9, 54, 56. — С. В. Юшков. К вопросу

Нет никакого сомнения в том, что эти названия были даны Днепровским порогам не восточными славянами киевских времен, а их далекими предками антской поры, не дружинниками Олега и Игоря, а воинами Божа, Идара, Межамира, Доброгаста, той поры, когда антские поселения достигали нижнего течения Днепра и здесь, на юге, у низовьев Дуная, они соседствовали с южными славянами и, более того, эти последние сами были выходцами из лесов далекого севера, только ранее антов проникшими на юг, к Дунаю и за Дунай. Не случайно некоторые названия Днепровских порогов могут быть объяснены из языка южных славян — болгар. Мне кажется, что южная группа антских племен имела много общего в языке со своими соседями — южными славянами, в частности — с болгарями. Они вместе составили первую (и основную) волну славянских вторжений и переселений в пределы Восточной Римской империи. Повидимому, южная группа среднеднепровских антов (так же, как и юго-западная) не знала еще полногласия, хотя оно и являлось очень древней особенностью русских языков. Поэтому-то они называли Днепровские пороги «прагами» так же, как это сделали бы сами болгары, если бы они часто ездили по Днепру. А это исключено. Значит, таким образом, названия Днепровских порогов древнего происхождения и своим появлением они обязаны юго-западной ветви восточных славян — антам.

Но быть может информатором Константина Багрянородного был болгарин или грек, хорошо знавший болгарский язык, человек бывалый, неплохо представлявший себе и днепровский путь, и Константинополь, и поэтому сравнивавший порог Ессупи с циканистирием, а Крарийскую переправу с ип-подромом?

Может быть, но кем бы он ни был, этот информатор византийского императора, так интересовавшегося далекой Русью, во всяком случае он передавал названия порогов так, как звучали они в произношении русских людей юга, в южнорусских диалектах.

Незнающее полногласия и поэтому напоминающее южнославянское, произношение слова «праг» сочеталось с нехарактерным для южнославянских языков, в частности, для болгарского, и в то же самое время с характерным уже с древнейших времен для юга Руси фрикативным «г» («праh», «прах»).

Следовательно, славянские названия Днепровских порогов не конкретно болгарские, а древне-южно-восточнославянские, т. е.

о происхождении Русского Государства. Ученые записки Московского юридического института, т. II, 1940, стр. 47. — Ф. П. Филин. Очерки истории русского языка до XIV столетия. Ученые записки Пед. инст. им. Герцена, т. XXVII.

антские, тех времен, когда зародившееся на севере восточно-славянское полногласие не было еще характерным и для южной, среднечерноземной группы восточных славян.

Прийдя к такому выводу, мы должны сделать и еще одно заключение, а именно о древности днепровского водного пути, по которому плыли в Черное море однодеревки антов. Если даже в X в. в названиях днепровских порогов в изложении византийского императора звучала еще речь антов (как звучала речь киевских русских в названиях днепровских порогов во времена Сулимы и Сагайдачного), то, следовательно, некогда этот путь был известным и оживленным, а по правому берегу его, «оли до моря», обитали далекие потомки тех, кто во времена Доброгаста плавал по Днепру в Черное море, преодолевая бурные и опасные «праги».

История антов — первая глава в истории великого русского народа. И неясные предания об этой поре, быть может, дожили и до киевских времен.

Рассказ нашей летописи о Кие, который «княжаше в роде своем, и приходившу ему ко царю, якоже сказают, яко велику честь приял есть от царя, при котором приходив цари; идущю же ему вспять, приидя к Дунаеви, и възлюби место, и срубил градок мал, и хотяше сести с родом своим, и не даши ему ту близъ живущии; еже и доньне наричють Дунайцы городище Киевецъ»,¹ не является ли эпическим отзвуком походов антов на Византию? Летописец путался и сбивался в рассказах о Кие, который то выступал в качестве перевозчика, то оказывался державным владетелем. Но по аналогии с походами Олега, Игоря и Святослава на Византию он принимал версию о Кие князе, так как она больше соответствовала его представлению о взаимоотношениях Киева с Византией. Летописец рассказывает не о походе на Византию, а о попытке Кия поселиться на Дунае, где он, как позднее Святослав в Переяславце, пытался осесть в Киевце. Не является ли это предание не только попыткой дружинников Киевской Руси осмыслить название Киевца на Дунае, исходя из его среднечерноземного двойника, и связывать его основание с эпическим Кием, но и каким-то воспоминанием о стародавних временах, когда приднепровские племена вместе со своими вождями переселялись на Дунай, «срубали» городки, осваивали византийские земли, вели переговоры с «цесарями» Восточной Римской империи, воевали с соседями за обладание присоединенными землями, возвращались обратно в Приднестровье, на берега Днепра-Славутича, т. е. о временах антов?

О том, что в рассказах о Кие есть крупинка истины, свидетельствуют раскопки М. К. Каргера.

¹ Повесть временных лет по Лаврентьевскому списку, СПб., 1910, стр. 9.

Летопись рассказывает о том, как «Седяше Кый на горе идеже ныне увоз Боричев, а Шек седяше на горе, идеже ныне зовется Щековица, а Хорив на третьей горе, от негоже прозвася Хоривица».¹

Как показали раскопки М. К. Каргера, на месте Киева существовали вплоть до конца X в. (когда они слились) три древнейшие поселения, возникшие еще до нашей эры.²

Я позволил себе сослаться на сугубо сухопутные раскопки М. К. Каргера потому, что в них я нахожу подтверждение одного из мотивов легенды о Кие, а раз так, она перестает быть для меня только домыслом, чистой фантазией и превращается в опoэтизированной народом, облеченную им в форму легенды какую-то историческую истину.

Нам известны переговоры императора Юстиниана с антами о поселении их в городе Туррисе. Нам известны походы и переселения антов в земли «ромеев». Во время одного из таких походов мог возникнуть летописный Киевец.

И Кий и другие «риксы» антов могли совершать свои поездки в Константинополь тем же морским путем, каким русские ездили в Царьград или ходили походом на него в IX—XI вв. И в этой связи вряд ли стоит считать, что раз и навсегда покончено с попыткой трактовать одно место у Феофана как указание на русские суда.

Феофан сообщает, что когда в 773 г. византийский император Константин Копроним отправился в морской поход на болгар, то, собираясь плыть по Дунаю, он сам сел на «русские суда» (ῥώσια χελάνδια).

Так как считалось, что ни о каких русских и ни о каких русских судах на Дунае в VIII в. не могло быть и речи, то в конце концов пришли к выводу, что речь идет о «красных судах».³

Обычная аргументация противников признания в «ῥώσια χελάνδια» русских судов, на первый взгляд, кажется довольно основательной. Говорят, что византийцы русских называли «ῥωσ» и никогда не именовали их «ῥώσ».

Это неверно. Константин Багрянородный говорит о «ῥώσια τῶν Ῥουσιῶν», а его современник Лиутпранд употребляет термин «Rússii», заимствованный им, как он сам указывает, у греков. Я не пытаюсь утверждать, что у Феофана речь идет

¹ Повесть временных лет по Лаврентьевскому списку, СПб., 1910, стр. 8.

² М. К. Каргер. Дофеодальный период Киева по археологическим данным. Краткие сообщения о докладах и полевых исследованиях ИИМК, т. I, 1939, стр. 9, 10.

³ М. С. Грушевский. Історія України—Руси. 1913, т. I, стр. 564. — Б. Дорн. Каспий. СПб., 1875, стр. 359—374.

именно о русских, славянских судах, но в свете всего вышесказанного утверждать обратное только на том основании, что в конце VIII в. русские мореходы на Дунае — это нечто немислимое, ни в коем случае нельзя.

Мы собрали и отдали на суд читателя все косвенные указания на мореходство у антов. Косвенные потому, что прямых указаний в источниках не встречается.

Приведенный материал дает нам возможность говорить о том, что водная стихия не была чуждой для антов, и морские походы во времена антов были столь же обычным явлением, как и во времена Киевской Руси. И если говорить о предшественниках киевских руссов-мореходов, чьи традиции передавались воинам Олега и Игоря, Владимира и Ярослава, то ими, этими учителями и предшественниками, были не жители «островов» далекого «северного моря», как называли в Византии норманнов, а анты — далекие предки русских киевских времен.

Письменная традиция не связывает непосредственно антов с русскими. С 602 г. прекращаются сообщения об антах. А первые сведения о русских, наиболее ранние, восходят лишь к концу VIII — началу IX вв.¹

Чем же был заполнен этот период времени, чем был обусловлен разрыв между историей антов и историей Руси так, как он выступает в письменных источниках?

Итак, с самого начала VII в. исчезают упоминания об антах. В то же самое время наблюдается известный упадок культуры в среднем Приднепровье, важнейшем очаге культуры антов.

Отмечаемый упадок культуры в среднем Приднепровье (появление городищ-поселений родовых общин, примитивного и грубого инвентаря, замена посуды, изготовленной на гончарном круге, лепленной от руки, и т. п.) и известное его запустение являются результатом опустошительных набегов кочевников (аваров) и передвижения части антских племен во главе со своими «риксами» на юго-запад, в пределы обширной, богатой, могущественной Византийской империи.

С севера, в район среднего Приднепровья, на оба берега Днепра, в это же время (VIII—IX вв.) передвигаются лесные, более отсталые славянские племена, с более архаичной культурой. Этим и объясняется упадок среднего Приднепровья в тот период.

Продвижение лесных, северных отсталых славянских племен на юг объясняется: 1) их стремлением обосноваться на более плодородных землях Среднего Днепра, на землях лесостепной полосы, что обусловлено было ростом значения земледелия в их хозяйственном быте, и 2) естественной для эпохи варварства

¹ Исключение представляет приведенная выше рукопись Георгия Мтацминдели.

тягой к военной добыче, которую сулили города и земли юга, в частности, Византии.

Все это и побуждало лесные восточнославянские племена двинуться из своих пуш на юг, в лесостепную и степную, причерноморскую полосы.

Но здесь, в среднем Приднестровье, эти лесные северные славянские племена не встретили лишенную жизни пустыню. Древнее антское население продолжало обитать на старых местах, населяло Киев и прилежащие области, ставшие такими же центрами восточного славянства IX—X вв., какими они были в период антов.

Своим отсталым северным сородичам, на которых они начинают оказывать влияние еще с середины I тысячелетия н. э., анты передали свои культурно-бытовые особенности, свой социальный строй, исторические традиции, свои древние и постоянные связи с Византией. Поэтому тот строй «военной демократии», который существовал у антов столетия, был быстро пройден северными русскими племенами, передвинувшимися в среднее Приднестровье и здесь смешавшимися со своими стоящими на грани цивилизации южными соплеменниками. И среднее Приднестровье в течение одного-двух столетий проходит этап «военной демократии», дофеодальный период, и вступает в эпоху феодализма.

Развитие военных сил Руси к концу VIII в. и к началу IX в. было, с одной стороны, выражением высшего расцвета варварства; Русь стояла на грани цивилизации, у порога феодального общества, у истоков государства, а новые силы, проявившиеся в историческом развитии славянства среднего Приднестровья и других областей Руси, создавали явления, напоминавшие основные характерные особенности среднего Приднестровья антских времен (варварская знать, завоевательные походы, межплеменные политические объединения); они приобретали новое, более совершенное, стадияльно более высокое качество и действовали более интенсивно и быстро и на несравненно более обширной территории.

Варварство антских племен отличалось от варварства собственно уже русских племен прежде всего тем, что последнее было более совершенным; в нем элементы классов были более развиты, что объяснялось, во-первых, в известной мере и подготовкой всех этих явлений в предшествующую антскую эпоху и столетиями последующей исторической эволюции древнерусского общества, а во-вторых — несравненно более обширной территорией, на которой шел процесс создания варварского, а впоследствии, в не продолжительном времени, феодального общества и государства. Варварское общество антских племен было создано на территории Среднего Приднестровья и в областях, прилегающих к нему с запада и, главным образом, с юго-запада; варварское общество

русских племен, предтеча феодальной Киевской Руси Ярославичей и Владимира Мономаха, сложилось на огромной территории от Ладоги до Руси, от Оки до Карпат и имело не один, а целый ряд политических центров.

С другой стороны, это развитие Руси на грани VIII и IX вв. не могло не вылиться в целый шквал героических походов русских воинов, отстаивавших право Руси на море. И первыми походами Руси, возвестившими о выходе русских на широкие просторы мировой истории, были именно морские походы.

Одним из первых выступлений варварской Руси было нападение русов на Сурож. «Прииде рать велика роускаа из Новаграда князь Бравлин силен zelo. Пленит от Корсоуня и до Корча. С многою силою прииде к Соурожу. За 10 дньий вниде Бравлин, силою изломив железнаа врата и вниде в град...».¹ Так сообщает о военном походе русских дружин на Крымское побережье от Херсонеса до Керчи «Житие Стефана Сурожского», памятник, датируемый самым началом IX в., а быть может, даже концом VIII в. Следовательно, и поход русов на Крым следует отнести к этому же времени.²

Через некоторое время русы предпринимают новый поход на византийские владения. На этот раз нападению подверглось малоазийское побережье Черного моря, от Пропонтиды и до Синопа. Здесь, на побережье Черного моря, у современного Синопа лежал город Амастрида (Амассер). Он и подвергся нападению со стороны русов.

В первой половине IX в. и во всяком случае не позже 842 г., согласно представляющему огромный интерес и исключительную научную ценность «Житию Георгия Амастридского», византийские владения в Малой Азии, лежавшие вдоль побережья Черного моря, подверглись нападению со стороны русских. «Житие» отразило впечатление, произведенное «нашествием... Руси». Автор его, сообщая о русских много небылиц, навеянных их успешным походом, подчеркивает, что русские — этот, «как все знают», «губительный на деле и по имени народ», начав свои успешные военные действия «от Пропонтиды и посетив прочее побережье, достигли, наконец, и до отечества святого... (Амастриды, — В. М.)».³

Так говорит о новом походе русов на византийские владения «Житие Георгия Амастридского».

Впечатление, произведенное этими походами русских дружин на Византию, было огромное. Русские в византийских источниках выступили со всеми качествами, присущими «страшным» для

¹ В. Г. Васильевский. Труды, 1915, т. III, стр. 95.

² Там же.

³ Там же, стр. 64.

«ромеев» варварам; они воинственны, храбры. Их появление вызывает панику, им сопутствует успех. Они проникают в земли империи. Они уже успели создать о себе славу грозных врагов, воинственных и выносливых, бесстрашных и неприхотливых. Даже греческие писатели вынуждены были признать превосходные боевые качества русских воинов.

О Руси знают, о ней говорят, ее боятся. «Как все знают» — эта фраза в «Житии Георгия Амастридского» свидетельствует о том, что во время его составления, во второй четверти IX в., Русь была «ведома и слышима» в Византии, а это говорит о давнем знакомстве империи со своими северными соседями.

Вряд ли этими двумя походами на Крым и Малоазиатское побережье Черного моря исчерпывались походы русских дружин на византийские владения.

В «Прологе» сохранилось в «Житии преподобной Афанасии» упоминание о нападении Руси на остров Эгину. Это «Житие» читал уже в X в. Метафраст. Значит, нападение Руси на остров Эгину имело место до X в. Но можно дать и более точную дату похода русских дружин, а именно 813 г., так как из «Жития» следует, что в год нападения Руси пришло «царево внезапное... повеление вдати веляющее юные вдовы за оружники своя», а закон о выдаче молодых вдов замуж за воинов был опубликован византийским императором Михаилом в 813 г.¹ Так ознаменовала свой выход на арену мировой истории Русская земля, так в Византии «нача ся прозывати Руская земля».²

В Византии узнали о русских потому, что их храбрые дружины с мечом в руках отстаивали свои права на морское побережье и на самое Черное море. Русь в это же время хорошо знали и на Востоке. В 40-х гг. IX в. Ибн-Хордадбех пишет, как о чем-то обычном и давно установившемся, о «пути купцов Русов, а они принадлежат к славянам» по Черному морю в Византию («Рум»), по Дону и Волге в Хазарию и далее в Каспий.

В эти же годы Русь стала известна и странам Запада. И это произошло потому, что Русь не «дикий и грубый» народ, как характеризуют его испуганные «ромей», которые готовы были наградить воинственную Русь какими угодно чудовищными чертами, а народ, создающий свое государство, и, следовательно, прибегающий к дипломатическим переговорам и соглашениям.

И в такой именно связи и стоит первое упоминание о государстве русского народа.

¹ М. Слабченко. Проложное сообщение о предлетописной Руси, «Исторический журнал», 1942, № 7, стр. 129.

² Повесть временных лет по Лаврентьевскому списку, 1910, стр. 17.

Какие-то варварские межплеменные политические полугосударственные образования имели место и до этого. И быть может, таким образованием и была та область, из которой вышел в поход на Херсонес, Сурож и Керчь князь русский Бравлин «Жития Стефана Сурожского», первый известный нам по имени (я отбрасываю вариант «бранлив» в смысле «воинственный») политический деятель древней Руси. Этой областью был Новгород, и не «Неарполис» — Сатарха, древний скифский город в Крыму, а самый настоящий русский Новгород, центр «Славии» арабских источников IX—X вв., Новгород на Волхове, второй центр древней Руси мусульманских писателей. И обычные возражения против данного предположения, строящиеся на том, что новгородскому князю до Сурожа далеко, да и как он мог попасть в Крым, когда еще не проторена была дорога даже в Киев, что сделают лишь Аскольд и Дир, отпадают, так как великий водный путь из «варяг в греки» уже начал складываться, уже установились киевско-новгородские связи, прослеживаемые по вещественным памятникам, а именнокладам монет, а это не могло не привести к естественной тяге «восточных варваров к восточному Риму» (К. Маркс), а следовательно, к походам русских дружин на византийские владения.

И если переход Аскольда и Дира из Новгорода в Киев не вызывает у скептиков сомнений, не вызывает даже сомнений поход аскольдовых дружин на Византию, то почему надо отказывать в этой возможности Бравлину?

«Житие Стефана Сурожского» в этой своей части, как показали труды В. Г. Васильевского, — памятник, не менее правдивый и ценный, нежели наши древнейшие летописные своды.

Высказанное выше — лишь предположение, хотя и строящееся на основании такого ценного источника, как «Житие Стефана Сурожского».

Но в 30-х годах IX в. появляется уже весьма обстоятельное известие о древнерусском государстве.

В Бертинских анналах под 839 г. мы читаем рассказ о том, как император Людовик I Благочестивый принимал послов византийского императора Феофила, халкидонского епископа — митрополита Феодосия и спафария Феофания. Это было 18 мая 839 г. в городе Ингельгейме.

«Послал он (Феофил, — В. М.) с ними (послами, — В. М.) также неких (людей), которые говорили, что их, то есть их народ, зовут Рос (Rhos), и которых, как они говорили, царь их, по имени Хакан (Шасаниа), отправил к нему (Феофилу) ради дружбы. В упомянутом письме (Феофил) просил, чтобы император милостиво дал им возможность воротиться (в свою страну) и охрану по всей империи, так как пути, какими они прибыли к нему в Константинополь, шли среди варваров, весьма бесчеловечных

и диких племен, и он не желал бы, чтобы они, возвращаясь по ним, подвергались опасности». ¹ Далее Бертинские анналы повествуют о том, как император расследовал причину их прибытия и, повидимому, не совсем удовлетворенный сообщенными ему сведениями продолжал допытываться, «чтобы можно было достоверно выяснить, с добрыми ли намерениями они пришли туда или нет; и он поспешил сообщить Феофилу через помянутых послов и письмом также и о том, что он их из любви к нему охотно принял, и если они (русы) окажутся людьми вполне благожелательными, а также представится возможность им безопасно вернуться на родину, то они будут отправлены (туда) с охраною; в противном же случае они с (особыми) посланными будут направлены к его особе (Феофилу), с тем, чтобы он сам решил, что с таковыми надлежит сделать». ² Это сообщение Бертинских анналов Пруденция породило обширную и противоречивую литературу. Норманисты использовали его в своих целях, договариваясь до того, что в названии повелителя русов «Chasanius» видели скандинавское имя Гакон. Мы подойдем к рассказу Бертинских анналов с другой стороны.

Попытаемся восстановить историческую обстановку, в которой возникла эта запись Бертинских анналов. В 30-х годах, в 834 г. (Кедрин) или в 837 г. (продолжатель Феофана), к императору Феофилу явились послы от хазарского кагана и бега с просьбой построить им крепость. Феофил отправил в Хазарию спафарокандидата Петрону, который и построил для хазар Саркел.

Постройка Саркела была связана с появлением в степях воинственных кочевников. Ими были мадьяры. За ними двигались на запад из-за Урала печенеги. От них-то и пыталась защититься Хазария возведением крепостных стен Саркела. Появление в степях кочевников, народа «весьма бесчеловечного и дикого», вызвало беспокойство и среди русских. Этим и объясняется появление одновременно в Византии, у Феофила посланцев двух каганов — и хазарского и русского. Русь, как и Хазария, искала поддержки у Византии в своей борьбе с надвигающейся с Востока новой, грозной опасностью, с кочевыми ордами.

Мы не знаем, чего добились русские послы у Феофила, но несомненно, их там приняли приветливо, ибо в противном случае император Феофил не стал бы ходатайствовать о них перед Людовиком Благочестивым.

Что обещала Византия Руси, также не известно, но она, повидимому, учла опасность, которую представляли кочевые орды

¹ Monumenta Germaniae historica, scr. I, стр. 434.

² Там же.

и для нее, и понимала, что Русь, в случае если кочевники занесут свою кривую саблю над «ромеями», может нанести им удар в спину и отвлечь их силы на себя. Кроме того, хозяйничанье кочевников в степях не могло не отразиться на растущих торговых сношениях Византии с «северными варварами», в которых была так заинтересована Восточно-Римская империя. Во имя этого были забыты и походы русских на Сурож, а быть может, и на Амастриду, их «грубость и дикость», их «кроважность» и «жестокость». Теперь они сами просили помощи у Византии и становились ее союзниками.

Русские послы у Феофила были дипломатическими представителями своего государя, который, по старому обычаю, носил хазарское название «кагана». Он правил на Руси, был царем народа «Рос», т. е. русского.

Все это свидетельствует о наличии где-то в Восточной Европе в 30-х годах IX в. русского каганата, т. е. русского государства.

Русский каганат Бертинских анналов, безусловно, уже не зависит от Хазарии. Он несет на себе явные следы хазарских связей, но государство кагана народа «Рос», уже независимо от кагана хазарского, ведет самостоятельные дипломатические переговоры, посылает своих послов, заключает союзы, организует оборону своих рубежей.

Русский каганат, освободившийся от хазарского владычества, был первым крупным государственным образованием древней Руси.

Где был расположен русский каганат?

Несомненно, не на юге, не на побережье Азовского или Черного моря, так как туда русские послы вернулись бы из Византии морем, не прибегая к путешествию через Германию. Он не был и на севере, так как вряд ли бы Новгород, Псков, Полоцк или Ростов были обеспокоены появлением в степях новых орд кочевников.

Я считаю, что земли русского каганата лежали в области среднего Приднепровья, у «гор киевских», так как только допустив это, мы можем понять, почему появление кочевников, доходивших, несомненно, до Днепра, а быть может, проникающих даже и дальше на запад, изменило ситуацию на пути, по которому шло общение русского каганата и Византии. Посланцы кагана народа «Рос», направляясь в Константинополь к императору Феофилу, плыли по Днепру, по днепровским «прагам» так же, как это делали спустя сто лет «слы» и «гости» князей киевских, которые во времена Константина Багрянородного, Игоря и Ольги тоже шли морем, держась берега.

Посланцы кагана русского еще успели проехать по Днепру в Византию, но обратно вернуться тем же путем в Киев они

не могли, так как на берегу Днепра уже мелькали мадьярские, а быть может, печенежские всадники.

Поэтому-то Феофил и просил Людовика Благочестивого помочь им вернуться в свою страну кружным путем, через Германию и Польшу или Чехию.

Путь по Днепру был перерезан. И пока он будет вновь восстановлен, пройдет много времени. Вот почему 18 мая 839 г. Людовик Благочестивый слушал речи послов кагана русского.

О Руси на Западе уже, очевидно, кое-что слышали. Мы не знаем, когда Запад узнал о Руси, о русах, но вряд ли случайными являются упоминания о русах, союзниках арабов в их борьбе с Карлом Великим в Испании, в тех замечательных строках «Песни о Роланде», которые и в наши дни остаются еще загадкой.

Русы могли быть не только врагами арабов, будучи воинами хазарского кагана, но и поступать на службу к арабам, и, проникая далеко в глубь земель халифата (стоит вспомнить о путешествиях русов-купцов до Багдада по Ибн-Хордадбеку и сообщение Абдул Касима о вторжении русов в Аравию для овладения Багдадом), выступать в роли союзников арабов. И упоминание о русах в «Песне о Роланде» отнюдь не является историческим анахронизмом.

Мы не знаем, когда сложились и те сказания, которые послужили основой повествований о «витязях из русов» (Riuzen), «витязях из Киевской земли» (van dem Lande ze Kiëwen) в «Песне о Нибелунгах», но вряд ли ошибемся, если отнесем их к ранней, гораздо более ранней, чем XII в., эпохе.¹

Уже в самом начале X в. Русь усиленно торгует с Раффельшtedтом, а это предполагает наличие торговых сношений Руси и Запада гораздо ранее.

Очевидно, Людовик и его приближенные знали кое-что о Руси и русах, о народе «Рос», как вскоре, в 80—90-х годах IX в. узнал, со слов Оттера, о далеком, где-то у верховьев Дона, государстве и народе «Рошуаско» (Rhoschouko) и король Альфред Великий.²

Несмотря на то, что о Руси и о русах на Западе Европы уже что-то знали, появление при дворе императора Людовика Благочестивого посланцев кагана русского народа было неожиданностью.

Император не знал, как реагировать на появление в Ингельгейме русских послов. Забота и внимание к ним со стороны

¹ А. И. Дробинский. Русь и Восточная Европа во французском средневековом эпосе. «Исторические записки», т. XXVI, 1948.

² К. Ф. Тиандер. Поездки скандинавов в Белое море. СПб., 1906, стр. 51.

императора Феофила, дружественные отношения с Византией, свидетельствующие о значении Руси в жизни Восточной Европы и самой империи «ромеев», наконец, несомненно, пусть неясные и отрывочные, но все чаще и чаще поступающие сведения о многочисленном и могущественном народе «рос» и его государстве — все это побуждало Людовика Благодетельного оказать им гостеприимство и помощь. Но эти же самые знаки внимания со стороны Феофила и его настойчивая просьба о помощи послам русского кагана, а также все те же рассказы о далеком и сильном народе «рос» порождали беспокойство, а не являются ли эти посланцы разведчиками, не умышляют ли они что-либо во вред императору?

Так разворачивались события в пяти местах: на среднем Днепре, в Хазарии, степях, Византии и в Ингельгейме.

Мы не знаем, чем закончились миссия послов кагана к Феофилу и их путешествие в Ингельгейм, но благодаря им перед нами из глубин былого выступил очерченный скупыми и отрывочными фразами Русский каганат, государство кагана народа «Рос», не только предтеча и предшественник Киевской державы, но уже само это Киевское государство в его первоначальном, эмбриональном состоянии, тот самый русский каганат, выросший в борьбе с хазарским каганатом, высвободившийся от власти хазарского кагана, но сохранивший на себе печать былых связей с хазарами, который является первым русским государством на Днепре.

Итак, сообщение Бертинских анналов дает нам право утверждать о наличии еще на грани VIII и IX вв. и в самом начале IX в. днепровско-черноморского пути русских мореходов.

Путь этот вел из Приднепровья (наверное, того же Киева) в Константинополь.

Плыли Днепром, с трудом преодолевая пороги, и русские воины, чей меч звенел под стенами Сурожа и Амастриды, чей победный клич раздавался среди виноградников острова Эгины; плыли и русские «слы», посланцы кагана русского для того, чтобы заключить с византийским императором договор о дружбе перед угрозой со стороны кочевой степи; плыли, наконец, и русские «гости», те самые «купцы Руси» Ибн-Хордадбега, которые постоянно плавали по Черному морю, сделав этот путь обычной и торной дорогой, связывающей Русь с Востоком вплоть до Багдада.

Черное море становилось «Русским морем». Ибн-Хордадбех (Ибн-Хардадбег), писавший в 40-х годах IX в. свою «Книгу путей и государств» («Книгу для познания путей и государств»), которая послужила основой для целого ряда более поздних мусульманских сочинений о Руси, упоминает,

как о чем-то хорошо и давно известном, как о чем-то обычном, «пути купцов Русов, а они принадлежат к Славянам», торгующих мехами бобров и черных лисиц и мечами «из дальнейших концов Славонии к Румскому морю». «Румским морем» Ибн-Хордадбех называет Черное море.

Придет время и оно получит другое наименование. Но об этом ниже.

И это был отнюдь не единственный путь русских к морю. Знали русы и другое море — Каспийское. «А если желают, — продолжает свой рассказ о русских купцах Ибн-Хордадбех, — то ездят Танаисом, рекою Славян, проходят через Камлидж, столицу Хазар, там их владетель берет с них десятину. Затем они плавают по морю Джурджана и выходят на любой им берег... Иногда они возят свои товары на верблюдах из Джурджана в Багдад; евнухи-славяне ж бывают здесь у них за переводчиков».¹

Перед нами другой путь русов по Днепру, Черному морю, Дону (Танаису) и Волге (реке Славян) в Каспийское море (море Джурджан).

Об этом пути мы будем еще говорить дальше. И этот путь, путь Восточный (назовем его так условно), тоже, по Ибн-Хордадбеку, является чем-то обычным, и русские суда появляются на нем из года в год, на протяжении длительного времени.

Вряд ли сейчас, после работ Де-Гуе и Маркварта, кто-нибудь сомневается в том, что та часть сочинения Ибн-Хордадбека, в которой говорится о плаваниях русских купцов, составлена не позднее 846—847 гг., а уж кому, как не ему, начальнику почт и полиции в Джибале в Мидии, располагавшему обширным штатом информаторов и корреспондентов, было знать о том, кто, откуда и по каким делам проезжает по введенным ему владениям?²

Ибн-Хордадбех не только рисует нам два пути морских походов русов — Черноморский и Каспийский, сложившиеся в стародавние времена, но и сообщает, что русы — это славяне, подтверждая это свое сообщение любопытным указанием на то, что приезжающие в Багдад русы используют в качестве переводчиков славян, живущих в Багдаде.

Итак, русы говорили по-славянски, иначе они, русы, не были бы поняты своими единоплеменниками-славянами в Багдаде.

¹ А. Я. Гаркави. Сказания мусульманских писателей о славянах и русских. СПб., 1870, стр. 48, 49.

² В. В. Бартольд. Арабские известия о русах. «Советское востоковедение», 1940, т. I, стр. 20—23, 44.

У Ибн-Аль-Факиха, писавшего в самом начале X в., мы находим подтверждение рассказа Ибн-Хордадбега.¹

И, наконец, Аль Масуди в своих «Золотых лугах» (940-е годы) говорит о море Найтас, — «которое есть Русское море; никто кроме них (Русов) не плавает по нему и они живут на одном из его берегов».²

Так Черное море превращается в Русское море и остается им на протяжении чуть ли не всего средневековья («mare Rusciae», «mare Rutenum»).

Появление русских на Черном море не было только результатом предприимчивости торгующих русов или хорошо организованных походов из далеких глубин страны, отделенных от побережья многими днями пути по бескрайней ковыльной степи.

Поселения русских племен уличей и тиверцев тянулись «оли до моря», захватывая низовья Буга и Днестра.

Уже в те времена здесь, на побережье, русские люди становились мореходами. Придет время и вырастет на берегу моря Олешье, «галицкие выгонцы» и берладники начнут бороздить воды Черного моря, обоснуются русские люди на Белобережье и в устье Днестра, на острове святого Елферия (Березань). Но об этом дальше.

«Ruzzi», т. е. руссов, где-то между «unlici» (уличами) и хазарами упоминает Географ Баварский.³ Сочинение Географа Баварского датируется, по П. Шафарику, 80-ми годами IX в., и так как эту датировку никто не опровергнул, то надо полагать, что уже во второй половине IX в. где-то в Приднпровье, между уличами и хазарами обитали руссы. Но ограничиться таким утверждением мы не можем. И без указаний Географа Баварского нам известны руссы в среднем Приднпровье. Указание Географа Баварского дает нам право сделать другое предположение. Дело в том, что и уличи, и хазары обитают южнее руссов, если считать их жителями только Среднего Днестра. Не говорит ли сам контекст за то, что Географ Баварский, помещая своих «ruzzi» между уличами и хазарами, как бы подчеркивал более южную границу их расселения, граничащую с морским побережьем?

Не было ли здесь, у Днепровских гирл, уже в те времена стоянок русского промыслового и торгового вольного люда вроде тех, которые здесь возникнут позднее, в X—XI вв.?

¹ В. В. Бартольд, ук. соч., стр. 22, 23. — А. Ю. Якубовский. О русско-хазарских и русско-кавказских отношениях в IX—X вв. Изв. АН СССР, серия истории и философии, т. III, № 5, стр. 463.

² А. Я. Гаркави, ук. соч., стр. 125—138.

³ П. И. Шафарик. Славянские древности. М., 1848, т. II, кн. III, прил. XIX, стр. 70.

Все это прямо или косвенно, в качестве утверждений или предположений, подтверждает наше суждение о древности русского мореходства по Русскому (Черному) морю в первую очередь.

Нам это хотелось еще раз подчеркнуть потому, что за последнее время в кругах буржуазных византинистов имели место попытки не только опровергнуть все известия о походах русских на Византию, но объявить не имеющими никакой ценности те источники, которые о них говорят. И в этом отношении очень характерен доклад французской византистки Жермен да Коста Луйе, который она сделала еще на V Всемирном конгрессе византинистов, имевшем место в Риме в 1936 г., но опубликовала в журнале «Byzantion» (т. XV) уже во время Великой Отечественной войны. Он носит название «Имели ли место нападения русских на Византийскую империю ранее 860 года».

В этом томе «Byzantion» одновременно напечатано предисловие редактора журнала, одного из лидеров византинистов буржуазного Запада Грегуара.

Грегуар не только полностью солидаризируется с Жермен да Коста Луйе, но значительно решительней и резче формулирует все ее выводы.

Несмотря на то, что, по мнению Грегуара, все ясно и «проблемы вообще не существует», оба реакционные византиниста, и автор статьи и редактор «Byzantion», категорически протестуют против долгое время господствовавших в науке «химер» русского византиниста Васильевского, с которыми «пришла пора расправиться». Расправляются же они с этими «химерами» чрезвычайно просто, рассуждая таким образом: так как никакого русского государства, а тем более способного на войну с Византией до норманнов на Востоке Европы не существовало и существовать не могло, и так как норманны появились у Киева только незадолго до 860 г., то следует считать первым достоверным походом русских на Византию поход 860 г., а рассказ «Жития Георгия Амастридского» приурочить ко второму исторически засвидетельствованному походу русских — походу 941 г.

Русские летописи при этом ими во внимание не принимаются.

Как видно из изложенного, приводя свои доказательства, оба византиниста исходят из одной аксиомы — из норманского происхождения русской государственности.

Советская историческая наука разоблачала «норманскую теорию». Оставляя густопсовый норманизм на совести Грегуара, я позволяю себе указать на совершенно антинаучный и тенденциозный поход к источникам. Если источники противоречат

концепции, — объявить их фальшивыми, поздними, фантазиями, подлогами, чем угодно, но только не документами. «Тем хуже для фактов».

Между тем в своих трудах Е. Э. Липшиц убедительно показала, как опубликованные и исследованные уже после смерти В. Г. Васильевского материалы дают возможность еще раз убедиться в ценности «Жития Георгия Амастридского» для каждого византиниста или историка древней Руси. Эти новые материалы позволяют расширить и обосновать ту литературную характеристику, на основании которой В. Г. Васильевский относит «Житие Георгия Амастридского» к числу произведений византийского писателя IX в. Игнатия.

Характер стиха, связи Игнатия с патриархом Иоанном Грамматиком (первая половина IX в.) — все это подтверждает взгляды В. Г. Васильевского.¹

Изложенное нами выше свидетельствует о реакционности и тенденциозности измышлений Жермен да Коста Луйе и Грегуара.

Русь уже знали в Византии. Знали задолго до 860 г. Знали по походам, описанным в «Житиях» Стефана Сурожского Георгия Амастридского и Афанасии, знали по посольству, которое в 839 г. отправилось из Константинополя в Ингельгейм, знали по торгу с купцами-руссами, с которых, очевидно в Херсонесе, «царь Рума» брал «десятину».²

Уже в «Житии Георгия Амастридского» о Руси говорится как о народе, «как все знают», обладающем определенными качествами.³ Русские и «ромей» сталкивались друг с другом и общались, встречались в Константинополе, на Черноморском побережье и у устья Днепра, в дунайских гирлах и в Херсонесе. Общение это было постоянным, регулярным, хотя, быть может, и не массовым.

Из письма Фотия мы узнаем, что греки, нарушив какое-то мирное соглашение, писанное или изустное, представлявшее возможность свободно общаться и торговать и подданным императора и «мужам» русского кагана, «жестокостязали» русских в то время, когда обе стороны находились в состоянии мира. Фотий пишет: «Тех, которые должны нам нечто малое и незначительное, мы жестоко истязали, наказывали... и не обращали внимания на маловажность и незначительность в сравнении с нашими долгами, но, получая себе человеколюбивое прощение многого и великого, других за малое бесчеловечно ввергли в рабство».

¹ «Вопросы истории», 1947, № 1, стр. 146; см. же. О походе Руси на Византию ранее 842 года. «Исторические записки», т. XXVI, 1948.

² А. Ю. Якубовский, ук. соч., стр. 464.

³ В. Г. Васильевский, ук. соч., стр. 64.

Письмо Фотия говорит о наличии постоянных связей между Русью и Византией. Такого рода взаимоотношения могли сложиться только на протяжении определенного срока и только между двумя державами. Цивилизованное государство с варварскими племенами в такого рода взаимоотношения не вступает.

Чем был вызван поход русских на Константинополь? Был ли он просто грабительским налетом?

На этот вопрос отвечает сам Фотий, сообщающий, что россы совершили свой поход на Византию в отместку за то, что «ромен» жестоко истязали их соотечественников. За это русские отплатили сторицей, предав огню и мечу окрестности Константинополя.

Нет никакого сомнения в том, что «ромен» и русские со времени посольства кагана «народа Рос» к императору Феофилу, а быть может, и ранее находились в постоянном общении друг с другом. Русские ездили «слами» и «гостями» в Константинополь, как это имело место и позднее, во времена договоров Олега и Игоря с Византией, торговали и жили в Византии, сталкивались с греками на северном побережье Черного моря, у Днепровских и Бугских лиманов и в Крыму. Русь стремилась укрепиться на берегах Черного моря и настойчиво добивалась от Империи признания за ней прав Черноморской державы, свободного плаванья и торговли, безопасности русских людей, живших в городах «ромеев», «слов» и «гостей», уважения к «закону русскому». Взаимоотношения между греками и русскими определялись соглашениями, договорами.

Но, очевидно, незадолго до 860 г. греки нарушили соглашение «между Русью и Греки» и жестоко истязали русских «слов» и «гостей» в Константинополе или русских рыбаков и промысловиков где-нибудь у Белобережья или на Березани. Ответом на нарушение Византией договора о дружеских взаимоотношениях с Русью и был поход русских 860 г., — поход, ставящий задачей отмщение за нарушение греками международных соглашений, возобновление старых договорных отношений.

Это была война, а не налет, война, преследующая своей целью восстановление поправленных интересов Руси, а не грабительский поход варваров, война, как продолжение дипломатии, на которую было способно только государство.

На этот раз нападению подвергся сам Константинополь.

18 июня 860 г. 200 русских кораблей (по Венецианской хронике Иоанна Диакона 360 кораблей) неожиданно напали на Константинополь, воспользовавшись тем, что император Михаил стянул войско на юг для обороны границ империи в Малой Азии, подвергшихся нападению арабов.

В двух беседах патриарха Фотия, датируемых 860 г., нападение русов нашло яркое, но тенденциозное отражение:

«Народ (Ῥωσ, Рос. — В. М.) неименитый народ, не считаемый ни за что, но получивший имя со времени похода против нас, незначительный, но получивший значение, народ уничтоженный и бедный, но достигший блистательной высоты и несметного богатства, народ где-то далеко от нас живущий, варварский, кочующий, гордящийся оружием, неожиданный, незамеченный, ... так быстро и так грозно нахлынул на наши пределы, как морская волна, и истребил живущих на этой земле, как полевой зверь траву или тростник или жатву. . .

О, как всё тогда расстроилось, и город едва, так сказать, не был поднят на копье! . . Помните ли тот час, невыносимо-горестный, когда приплыли к нам варварские корабли. . . когда они проходили перед городом, неся и выставяя пловцов, поднявших мечи и как бы угрожая городу смертью от меча. . .»¹

В Венецианской хронике Иоанна Диякона без точной даты, но по отношению к событиям начала 60-х годов IX в. говорится, что в это время «жители севера» [по выражению Фотия, «где-то далеко (на север) от нас живущие»] «осмелились напасть на Константинополь на 360 кораблях, но, не будучи в состоянии нанести вред самому непобедимому городу, они храбро повоевали его предместья, перебили народа, сколько могли, и затем с торжеством вернулись домой».²

Положение осажденного Константинополя было очень серьезным. Теперь уже не крымские и малоазиатские владения подверглись нападению русских, — горели предместья столицы империи.

Императору Михаилу пришлось вернуться с похода и начать мирные переговоры с русскими. Наконец, был заключен договор «мира и любви».

Появление русских в 860 г. отмечено не только у Константинополя.

В «Житии патриарха Игнатия», составленном Никитой Пафлагонянином, говорится о том, как могущественный «... скифский народ, называемый Ῥωσ, через Эвксинское море прорвался в залив, напал на остров Теревинт (в группе Принцевых островов

¹ Е. Ловягин. Две беседы святейшего патриарха константинопольского Фотия по случаю нашествия руссов на Константинополь. «Христианское чтение», ч. 2, 1882, стр. 430—455. — Х. М. Лопарев. Старое свидетельство о положении ризы богородицы применительно к нашествию русских на Византию в 860 г. «Византийский временник», 1895, т. II, вып. 4. — М. С. Грушевский. Історія України-Руси. 1913, т. I, стр. 402—405, 565—567.

² Monumenta Germaniae historica, scr. VII. стр. 18.

в Мраморном море, — В. М.)»¹. Появление русских в Мраморном море является свидетельством успешного преодоления ими сопротивления греков в Босфоре.

Недельная осада Константинополя, продолжавшаяся с 18 по 25 июня, к величайшей радости жителей Константинополя, была, наконец, снята. Русские удалились победителями, увозя с собой договор «мира и любви» — свидетельство их победы и триумфа и поражения могущественной империи. И Византия могла быть довольна тем, что дело ограничилось только опустошением и разорением окрестностей Константинополя. Русь вынудила Византию считаться с собой и вписать свое имя в список могущественных и грозных народов.

Следовало бы остановиться и на некоторых других вопросах, связанных с походом 860 г.

К 866—867 гг. относится новый договор Руси с Византией о дружбе и союзе, не дошедший до нас так же, как и договор 860 г. На этот раз он был закреплён со стороны Руси принятием христианства от Византии и «епископа-пастыря» из Константинополя. Об этом говорят «Окружное послание» патриарха Фотия и биография императора Василия Македонянина, который, по выражению его биографа, склонил к дружбе «народ русский, воинственный и языческий, раздавая ему одежды золотые, серебряные и шелковые, а установив с ним дружбу и соглашение, уговорил принять крещение».²

Фотий в своем «Окружном послании» (866—867 гг.) говорит, что «Рос», народ, хорошо известный своей самостоятельностью и воинственностью, заменил свою языческую веру христианской, принял епископа и из врага стал союзником, и обещал Византии военную помощь.³ Фотий рассматривал крещеных русских как подданных императора, и в этом нет ничего удивительного, так как принятие каким-нибудь народом христианства из Византии этой последней рассматривалось как установление некоей политической вассальной зависимости его от империи. Сообщение Фотия о крещении какой-то части Руси в 60-х гг. IX в. подтверждается Уставом, приписываемым Льву Философу (866—911 гг.), где упоминается русская епархия, помещаемая в его списке 61-ой, рядом с 62-ой, аланской, и «Церковным Уставом» Владимира, где говорится о крещении Руси Фотием.

¹ А. Е. Пресняков. Лекции по русской истории. М., 1939, т. I, стр. 46. — См. также Брюссельскую Византийскую хронику, Житие св. Климента и др. — Н. Полонская. К вопросу о христианстве на Руси до Владимира. ЖМНП, 1917, сентябрь. — Труды В. Г. Васильевского, т. III, Пг., 1915, стр. СХХVIII.

² Corpus historica Bizant., XXVII, гл. 97.

³ Photii epistolae, стр. 177.

Вряд ли можно считать обоснованным мнение, что Устав, приписываемый Льву Философу (Льву Мудрому), на самом деле составлен при Алексее Комнене, так же как и стремление объявить «Церковный Устав» Владимира Святославича подложным на основании греческих порядков и норм, встречающихся в нем, которые, якобы, не соответствовали древнерусской действительности, и на основании упоминания в «Церковном Уставе» о крещении Руси Фотием. Так как «Устав» был переводом на русский язык греческих церковных порядков и юридических норм, причем его составители больше копировали греческое церковное право, чем заботились о приспособлении его к порядкам на Руси, то упоминание о Фотии, учитывая изложенное выше, не должно уже само по себе вызывать сомнения в подлинности «Церковного Устава».¹

В своей недавно вышедшей из печати в США работе «The Russian Attack on Constantinople in 860» — белоэмигрант-византиновед А. А. Васильев высказывает ряд соображений по поводу похода 860 г. (продолжительность похода, захватившего не только вторую половину 860 г., но и первые месяцы 861 г., численность русских войск, определяемая им цифрой в 20 000 человек) и приходит в итоге к выводу о том, что поход («набег») кончился катастрофическим отступлением, хотя причина «беспорядочного бегства» русских не ясна.

Этот неожиданный вывод основан на свидетельстве патриарха Фотия, заканчивающего свои «беседы» рассказом о том, какое впечатление произвел на русских крестный ход по стенам Константинополя с иконой божьей матери с чудодейственной ризой. Пораженные «девственной ризой» русские сняли осаду города и бежали.

Биограф императора Василия Македонянина, использованный позднейшими комментаторами — Кедриним, Зонарой и другими, повествует о чудесах с неопалимым евангелием, которые заставили изумленных русских уверовать в Христа.

Этот рассказ, равно как и «чудо» с ризой Влахеринской богородицы, давным-давно был взят под сомнение (Васильевский, Розен и др.), а между тем, и он использован А. А. Васильевым для своих выводов.

Как показали исследования знатоков истории Византии, по эрудиции не знающих себе равных, в данном случае, как и в ряде других аналогичных («Житие Стефана Сурожского», «Корсунская легенда о крещении Владимира» и т. п.), мы

¹ М. Д. Приселков. Рецензия на книгу В. А. Пархоменко «Начало христианства на Руси. Очерк по истории Руси IX—X вв.». ИОРЯС, т. XIX, кн. I, 1914, стр. 361.— М. Владимировский-Буданов. Христоматия по истории русского права. 1899, стр. 228.

имеем дело с обычным трафаретным легендарным мотивом, столь характерным для церковной литературы и, в первую очередь, для всякого рода «житий».

Это так хорошо всем известно, что мне нет необходимости приводить рассказы о «чудесах» святых и икон, об «ужасе», охватывающем варваров, под влиянием «страха божия» принимающих христианство.

Принимать обычный прием агиографов за доказательство «беспорядочного бегства» русских из-под стен Константинополя означает отказ от приемов научной критики, сознательное искажение событий с целью умаления истинной роли русских.

Вполне понятно почему Боак в своей рецензии на книгу А. А. Васильева, грубо фальсифицирующую факты, расхваливает ее, считая, что сочинение характеризуется тщательностью, логичностью и осторожностью в оценке источников.¹ Боаку вторит в «Revue historique» Луи Брейе.²

Между тем, в тех же самых источниках, которые использованы А. А. Васильевым, есть прямые указания на причины ухода русских. Когда, наконец, император вынужден был заключить договор «мира и любви» с русскими, когда они заставили Византию отказаться от всевозможных издевательств и вымогательств по отношению к русским и вынудили Империю говорить с Русью, как равную с равной; — они, отнюдь не собиравшиеся брать Царьград на щит, удалились так же быстро и внезапно, как внезапно появились у стен столицы «ромеев». Не было ни бегства русских, ни подчинения Руси. Ни о какой зависимости Руси от Византии даже после принятия какой-то частью дружинников-«росов» христианства не могло быть и речи.

Наоборот, появление русских у стен Константинополя вызвало большое смятение в Византии. «Росью» заинтересовались, о ней говорили и писали, пытались объяснить ее происхождение, проникнуть в ее историю.

Пока речь шла о нападении русских на окраины империи, они все же еще не были тем грозным и сильным врагом, которого надо было опасаться, который нес с собой разорение и смерть, но когда они напали на столицу, напуганные греки усиленно заговорили о «'ρῶτ». И на сцену выступил библейский народ «Рос» («Рош» — древнеевр. «глава») пророка Иезекииля, который, по «Апокалипсису», явится перед концом света к «священному граду». В чрезвычайно популярных среди греческого духовенства книгах пророков и «Апокалипсисе» нашлось, таким образом, и объяснение названия народа «'ρῶτ».

¹ Speculum, 1947, vol. XXII, num. 4 (октябрь).

² Revue historique, t. CXCIII, octobre-décembre, 1947.

Созвучность «руси» и «рос», огромное впечатление, произведенное на византийцев военными походами варварской, воинственной Руси, — все это заставило византийское духовенство объявить «ῥῶς» народом «губительным и на деле и по имени», по «имени» как раз потому, что он и есть тот самый библейский народ «ῥῶς», который своим появлением возвещает «конеч света» и гибель «священного града» — Византии.

Недаром Фотий пересыпает свои «беседы» о росах ссылками на Иезекииля, Иеремию и «Апокалипсис», а Лев Диакон прямо называет «тавроскифов» — русских народом «князя Рос» Иезекииля.¹

«Рос»-ами отрекомендовали Людовику Благочестивому послов кагана Руси и посланцы императора Феофила, а сами послы кагана, считая, что византийское наименование народа, кагану которого они служили, более знакомо дипломатическим кругам и в Ингельгейме, по-византийски именовали себя народом «Rhos», а не «русь».

Появление русских у стен Константинополя заставило Византию включить в свою дипломатическую деятельность и далекую Русь, Русь Киевскую, Русь Днепровскую.

Хотя, по выражению Фотия, Русь отделена от Константинополя многими землями и державами, судоходными реками и морями, а в «Тактике» императора Льва Философа говорится о том, что «северные скифы» не имеют больших кораблей, так как выезжают в море с рек, где нельзя пользоваться большими судами, а приходится пользоваться легкими лодками (это говорит именно о днепровском, а не азово-черноморском происхождении этих русских), тем не менее с Русью приходится считаться, ее надо опасаться, с ней необходимо заключать договоры «мира и любви».

Может быть, в связи с нападением Руси на Константинополь в 860 г. стоит и хазарская миссия Константина (Кирилла) Философа, который встречал «русинов», интересовался ими, крестил в Хазарии, где немало было русских «до двухсот чадий» и, быть может, вел переговоры, чтобы предотвратить походы русских, подобные тому, который имел место в 60-х гг. и вызвал такое волнение и страх по всей империи.²

Итак, мы приходим к выводу, что поход на Константинополь 860 г. был предпринят из Руси Киевской, что договоры «мира и любви» заключались с Днепровской Русью, Русью Аскольда.

«Повесть временных лет» под 866 г. (дата не точная) помещает рассказ о том, как «иде Аскольд и Дир на Греки и при-

¹ М. Д. Приселков, ук. рецензия, стр. 361.

² В. И. Ламанский. Житие Св. Кирилла как религиозно-эпическое произведение. ЖМНП, 1903, апрель-июль, декабрь; 1904, январь.

доша в 14 (лето) Михаила цесаря. Цесарю же отшедшу на Огаряны, и дошедшу ему Черная река, весть епарх послал к нему, яко Русь на Царьгород идет, и вратися царь. Си же внутрь Суду (пролив, — В. М.) вшедше, много убийство крестьяном створиша, и в двою сту корабль Царьград оступиша». ¹ Далее повествуется о молении Михаила и Фотия, о чуде, буре, разметавшей суда русов.

Новгородская летопись помещает этот рассказ под 854 г.

Память о княжении в Киеве Аскольда, о его могиле была жива в Киеве еще во времена летописца. Где-то здесь, у Угорского, стоял и его княжий двор. Тут же он и был убит. Упоминание о церкви святого Николая, воздвигнутой на могиле Аскольда в связи с его походом на Византию, сообщения Фотия и биографа Василия Македонянина о крещении русов после похода 860 г. говорят о том, что поход, предпринятый в 860 г. и датируемый нашей летописью 866 г., был предпринят из Киева Аскольдом, а крещение Руси при Фотии было крещением Руси Аскольдовой. Принял христианство и сам Аскольд и, быть может, церковь святого Николая, воздвигнутая на его могиле, носила имя его христианского патрона.

Как в полулегендарном рассказе об Аскольде можно найти следы подлинно исторических событий, так и в повествовании летописи о Дире (кстати отметим, что летопись упорно связывает Аскольда и Дира) мы находим черты исторической правды. Дира знает не только наша летопись.

В своих «Золотых лугах» («Промывальнях золота») Масуди (943—947 гг.) пишет:

«Первый из славянских царей есть царь Дира, он имеет обширные города и многие обитаемые страны; мусульманские купцы прибывают в столицу его государства с разного рода товарами». ²

Нельзя думать, что Дир — современник Масуди, но он, несомненно, правил во времена, не столь отдаленные от времен Аскольда, и Масуди, со слов мусульманских купцов, хорошо знавших Киев и часто ездивших туда со своими товарами, о чем повествуют и другие восточные писатели, заключил о его силе и богатстве. И это также не вызывает сомнений, так как Киев второй половины IX в. — крупнейший центр Руси. Масуди не знал своего современника — Игоря и пользовался (и это вполне понятно) несколько устаревшими сведениями, сообщенными ему мусульманскими купцами, ездившими в страну и город Дира и хорошо знавшими о его могуществе. Царство

¹ Повесть временных лет по Лаврентьевскому списку, 1910, стр. 20, 21.

² А. Я. Гаркави, ук. соч., стр. 137.

Дира у Масуди — восточный сосед Чехии Вячеслава, в состав которой тогда входил и Краков. Сообщение Масуди о «многих обитаемых странах», подвластных Диру, и свидетельство Фотия о том, что Русь еще перед походом 860 г. «подчинила своих соседей», подтверждают известия поздних русских летописей о войнах Аскольда и Дира с соседними народами и племенами, а следовательно, и о попытках наложить на них дань и распространить на их земли свою власть.

Ко временам Дира относится первый поход русов на Закавказье. По свидетельству Мухамеда Эль-Хасана, написавшего «Историю Табаристана», в правление Хасана, сына Зейды (864—884 гг.), русы напали на Абесгун,¹ но в борьбе с Хасаном они были разбиты.² Этот поход следует связать с именами Аскольда и Дира, вернее — последнего, связи которого с мусульманским миром заключались не только в приеме восточных купцов и в торговле с ними, но и в стремлении проникнуть по их стопам на Восток — источник всяких богатств, в страну роскоши и драгоценностей, известную с давних пор, но только теперь превращенную в объект походов и нападений.

Сообщение Мухамеда-Эль-Хасана является первым свидетельством об активности русских на Каспийском море. Уже Ибн-Хордадбех в своей «Книге путей и государств», как мы видели, рассказывает о плаваниях русских купцов по Дону и Волге, «по морю Джурджана», где они «выходят на любой им берег» для торговли и иногда «возят свои товары на верблюдах из Джурджана в Багдад».³

Здесь, на Каспии, русы вели себя так же, как и на Черном море. Они торговали в прибрежных мусульманских городах, заключали какие-то соглашения с их правителями, приезжали и уезжали, снова возвращались, привозя свои драгоценные меха. Так было из года в год. Но настала пора, когда богатые многолюдные города мусульманского Востока стали привлекать к себе русских воинов так же, как привлекли их богатые византийские города и прежде всего пышный и великолепный Царьград. Начались военные походы русских «по морю Джурджан», и русский меч зазвенел у Абесгуна и Ширвана, на Нефтяной земле и в Бердаа.

Ниже мы остановимся подробнее на походах русских на Восток.

¹ Абесгун — остров, расположенный в Астрабадском заливе близ южного берега Каспийского моря.

² Б. Дорн, ук. соч., стр. 3—6, 531.

³ А. Я. Гаркави, ук. соч., стр. 49.